

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Двое из сумы

Жил старик со старухой. Вот старуха на старика всегда бранится, что ни день – то помелом, то рогачом^[1] отваляет его; старику от старухи житься вовсе нет. И пошёл он в поле, взял с собою тенёты^[2] и постановил их. И поймал он журавля и говорит ему:

– Будь мне сыном! Я тебя отнесу своей старухе, авось она не будет теперь на меня ворчать.

Журавль ему отвечает:

– Батюшка! Пойдём со мною в дом.

Вот он и пошёл к нему в дом. Пришли; журавль взял со стены сумку и говорит:

– Двое из сумы!

Вот сейчас вылезли из сумы два молодца, стали становить столы дубовые, стлать скатерти шёлковые, подавать ествы и питья разные. Старик видит такую сладость, что сроду никогда не видывал, и обрадовался очень. Журавль и говорит ему:

– Возьми эту суму себе и неси своей старухе.

Вот он взял и пошёл; шёл путём дальним и зашёл к куме ночевать; у кумы было три дочери. Собрали ему поужинать чем бог послал. Он ест – не ест и говорит куме:

– Плоха твоя еда!

– Какая есть, батюшка! – отвечала кума.

Вот он и говорит:

– Собери свою еду-то; а которая была у него сума, той говорит, как приказывал ему журавль: двое из сумы! В ту же минуту двое из сумы вылезли, зачали становить столы дубовые, стлать скатерти шёлковые, подавать ествы и питья разные.

□Кума с дочерьми своими удивилась, задумала унести у старика эту суму и говорит дочерям:

– Подите истопите баньку; может, куманёк попарится в баньке-то.

Вот только он вышел в баню-то, а кума сейчас приказала своим дочерям сшить точно такую же суму, какая у старика; они сшили и положили свою суму старику, а его суму себе взяли. Старик вышел из бани, взял обменённую суму и весело пошёл в дом свой к старухе; приходит ко двору и кричит громким голосом:

– Старуха, старуха! Встречай меня с журавлём-сыном.

Старуха глядит на него быстро и ворчит промеж себя:

– Поди-ка ты, старый кобель! Я тебя отвалюю рогачом.

А старик свои слова говорит:

– Старуха! Встречай меня с журавлём-сыном.

Вошёл в избу старик, повесил суму на крючок и кричит: двое из сумы! Из сумы нет никого. Вот он в другой раз: двое из сумы!

Из сумы опять нет никого. Старуха видит, что он говорит бознать^[3] что, ухватила помело мокро и ну старика гвоздить^[4].

□Старик испугался, заплакал и пошёл опять в поле. Отколь ни взялся прежний журавль, видит его несчастье и говорит:

– Пойдём, батюшка, опять ко мне в дом.

Вот он и пошёл. У журавля опять сума висит такая же.

– Двое из сумы! – сказал журавль.

Двое из сумы вылезли и поставили такой же обед, как и прежние.

– Возьми себе эту суму, – говорит журавль старику.

Вот он взял суму и пошёл; шёл-шёл по дороге, и захотелось ему поесть, и говорит он, как приказывал журавль:

– Двое из сумы!

Двое из сумы вылезли – такие молодцы с большими колдашами^[5] – и начали его бить, приговаривая: «Не заходи к куме, не парься в бане!» – и до тех пор били старика, пока он не выговорил кое-как: двое в суму! Как только изговорил эти слова, двое в суму и спрятались.

□Вот старик взял суму и пошёл; пришёл к той же куме, повесил суму на крючок и говорит куме:

– Истопи мне баньку.

Она истопила. Старик пошёл в баню: парится – не парится, только время проводит. Кума созвала своих дочерей, усадила за стол – захотелось ей поесть – и говорит: двое из сумы! Двое из сумы вылезли с большими колдашами и ну куму бить, приговаривая: «Отдай старикову суму!»

Били-били... вот она и говорит большой дочери:

– Поди, кликни кума из бани; скажи, что двое совсем меня

прибили.

– Я ща^[6] не испарился^[7], – отвечает старик.

А они всё больше её бьют, приговаривая: «Отдай старикову суму!» Вот кума́ послала другую дочь:

– Скорее вели куманьку идти в избу.

Он отвечает:

– Я ща голову не мыл.

Она и третью посылает.

– Я ща не купался, – говорит старик.

Терпенья нет куме! Велела принести украденную суму. Вот старик вышел из бани, увидел свою прежнюю суму и говорит: двое в суму! Двое в суму с колдашами и ушли.

□Вот старик взял обе сумы – и сердиту и хорошу – и пошёл домой. Подходит ко двору и кричит старухе:

– Встречай меня с журавлём-сыном.

Она на него быстро глядит:

– Поди-ка ты домой-то, я тебя отваляю!

Взошёл в избу старик, зовёт старуху: «Садись за стол» – и говорит: двое из сумы! Двое из сумы вылезли, настановили и пить и есть. Старуха наелась-напилась и похвалила старика:

– Ну, старик, я теперь бить тебя не стану.

Старик, наевшись, вышел на двор, хорошую суму вынес в клеть, а сердитую повесил на крючок; а сам по двору ходит – не ходит, только время проводит. Захотелось старухе ещё выпить, и говорит она стариковы слова: двое из сумы! Вот вылезли двое из сумы с большими колдашами и начали бить старуху; до тех пор

били, что у ней мочи не стало! Кличет старика:

– Старик, старик! Поди в избу; меня двое прибили!

А он ходит – не ходит, только посмеивается да поговаривает: «Они тебе зададут!» Двое ещё больше бьют старуху и приговаривают: «Не бей старика! Не бей старика!» Наконец старик сжалился над старухой, вошёл в избу и сказал: двое в суму! Двое в суму и спрятались. С тех пор старик со старухой стали жить так хорошо, так дружно, что старик везде её похваляется, тем и сказка кончается.

---

[1] – Ухватом.

[2] – тенето – сети для ловли зверей.

[3] – Т. е. бог знает.

[4] – Крепко бить.

[5] – Колдай – палка с шишкою на одном конце.

[6] – Ещё.

[7] – Не выпарился.

Загрузка...

**Русские народные сказки. А.
Н. Афанасьев. Конь, скатерть
и рожок**

Жила-была старуха, у ней был сын дурак. Вот однажды нашёл дурак три гороховых зерна, пошёл за село и посеял их там. Когда горох взошёл, стал он его караулить; приходит раз на горох и увидал, что сидит на нём журавль и клюёт. Дурак подкрался и поймал журавля.

– О! – говорит. – Я тебя убью!

А журавль говорит ему:

– Нет, не бей меня, я тебе гостинчик дам.

– Давай! – сказал дурак, и журавль дал ему коня, говоря:

– Если тебе захочется денег, скажи этому коню: стой! а как наберёшь денег, скажи: но!

Вот дурак взял коня, стал садиться на него и сказал: стой! Конь и рассыпался в серебро. Дурак захохотал; потом сказал: но! – и серебро обратилось в коня. Распростился дурак с журавлём и повёл коня домой, взвёл на двор и прямо привёл его к матери в избу, привёл и даёт ей строгий приказ:

– Матушка! Не говори: стой! говори: но!

А сам тут же ушёл на горох. Мать была долго в раздумье:

– Для чего говорил он мне такие слова? Давай скажу: стой! – и сказала.

Вот конь и рассыпался в серебро. У старухи глаза разгорелись; поспешно начала она собирать деньги в свою коробью, и как

удовольствовалась – сказала: но!

□Меж тем дурак опять застал на своём горохе журавля, поймал его и грозил ему смертью. Но журавль сказал:

– Не бей меня; я тебе гостинку дам, – и дал ему скатерть:

– Вот как захочешь ты есть, скажи: развернись! а как поешь, скажи: свернись!

Дурак тут же сделал опыт, сказал: развернись! Скатерть развернулась. Он наелся-напился и говорит: свернись! Скатерть свернулась. Он взял её и понёс домой:

– Вот смотри, матушка, не говори этой скатерти: развернись! а говори: свернись!

А сам дурак опять пошёл на горох. Мать и со скатертью сделала то же, что с конём; сказала: развернись! и начала гулять, есть и пить всё, что было на скатерти; потом сказала: свернись! Скатерть и свернулась.

□Дурак опять поймал на горохе журавля, который дал ему в гостинец рожок и, поднимаясь от него кверху, сказал:

– Дурак! Скажи: из рожка!

Дурак на свою беду и сказал это самое слово, вдруг из рожка выскочили два молодца с дубинами и начали утюжить дурака, и до того утюжили, что он, бедный, с ног свалился. Журавль сверху закричал: в рожок! – и молодцы спрятались. Вот дурак пришёл к матери и говорит:

– Матушка! Не говори: из рожка! а говори: в рожок!

Мать, как вышел дурак к соседям, заперла дверь на крючок и сказала: из рожка! Сейчас выскочили два молодца с дубинами и начали утюжить старуху; она кричит во все горло. Дурак услышал крик, бежит со всех ног, прибёг, хватъ – дверь на крючке; он и закричал: в рожок, в рожок! Старуха, опомнившись от побоев,

отперла дураку дверь. Дурак взошёл и сказал:

– То-то, матушка! Я тебе сказывал – не говори так-то.

□ Вот дурак задумал задать пир и созывает господ и бояр. Только они собрались и поселись, дурак и приводит в избу коня и говорит:

– Стой, добрый конь!

Конь рассыпался в серебро. Гости удивились и почали грабить себе деньги да прятать по карманам. Дурак сказал: но! – и конь опять явился, только без хвоста. Видит дурак, что время гостей потчевать, вынул скатерть и сказал: развернись! Вдруг развернулась скатерть, и на ней всяких закусок и напитков наставлено великое множество. Гости начали пить, гулять и веселиться. Как все удовольствовались, дурак сказал: свернись! – и скатерть свернулась. Гости стали зевать и с насмешкой говорить:

– Покажи нам, дурак, ещё что-нибудь!

– Изволь, – сказал дурак, – для вас можно! – и приносит рожок. Гости прямо и закричали: из рожка! Откуда ни взялись два молодца с дубинками, начали колотить их изо всей мочи и до того били, что гости принуждены были отдать украденные деньги, а сами разбежались. А дурак с матерью, конём, скатертью и рожком стал жить да поживать да больше добра наживать.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Волшебный конь

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик со старухой, и за всю их бытность не было у них детей. Вздумалось им, что вот-де лета их древние, скоро помирать надо, а наследника господь не дал, и стали они богу молиться, чтобы сотворил им детище на помин души. Положил старик завет: коли родит старуха детище, в ту пору кто ни попадётся первый навстречу, того и возьму кумом. Через сколько-то времени забрюхатела старуха и родила сына. Старик обрадовался, собрался и пошёл искать кума; только за ворота, а навстречу ему катит коляска, четвернёй запряжена; в коляске государь сидит.

□Старик не знавал государя, принял его за боярина, остановился и давай кланяться.

– Что тебе, старичок, надобно? – спрашивает государь.

– Да прошу твою милость, не во гнев будь сказано: окрести моего новорожденного сына.

– Аль у тебя нет никого на деревне знакомых?

– Есть у меня много знакомых, много приятелей, да брать в кумовья не годится, потому что такой завет положо́н: кто первый встретится, того и просить.

– Хорошо, – говорит государь, – вот тебе сто рублёв на крестины; завтра я сам буду.

На другой день приехал он к старику; тотчас позвали попа, окрестили младенца и нарекли ему имя Иван. Начал этот Иван расти не по годам, а по часам – как пшеничное тесто на опаре подымается; и приходит ему каждый месяц по почте по сту рублёв царского жалованья.

□Прошло десять лет, вырос он большой и почувал в себе силу непомерную. В то самое время вздумал про него государь, есть-де у меня крестник, а каков он – не ведаю; пожелал его лично видеть и тотчас послал приказ, чтобы Иван крестьянский сын, не медля нимало, предстал пред его очи светлые. Стал старик собирать его в дорогу, вынул деньги и говорит:

– На-ка тебе сто рублёв, ступай в город на конную, купи себе лошадь; а то путь дальний – пешком не уйдёшь.

Иван пошёл в город, и попадаетеся ему на дороге стар человек.

– Здравствуй, Иван крестьянский сын! Куда путь держишь?

Отвечает добрый мо́лодец:

– Иду, дедушка, в город, хочу купить себе лошадь.

– Ну так слушай меня, коли хочешь счастлив быть. Как придёшь на конную, будет там один мужичок лошадь продавать крепко худую, паршивую; ты её и выбери, и сколько б ни запросил с тебя хозяин – давай, не торгуйся! А как купишь, приведи её домой и паси в зелёных лугах двенадцать вечеров и двенадцать утров по росам – тогда ты её узнаешь!

□Иван поблагодарил старика за науку и пошёл в город; приходит на конную, глядь – стоит мужичок и держит за узду худую,

паршивую лошаденку.

– Продаёшь коня?

– Продаю.

– А что просишь?

– Да без торгу сто рублёв.

Иван крестьянский сын вынул сто рублёв, отдал мужику, взял лошадь и повёл ко двору. Приводит домой, отец глянул и рукой махнул:

– Пропалие деньги!

– Подожди, батюшка! Авось на моё счастье лошадка поправится.

Стал Иван водить свою лошадь каждое утро и каждый вечер в зелёные луга на пастбище, и вот как прошло двенадцать зорь утренних да двенадцать зорь вечерних – сделалась его лошадь такая сильная, крепкая да красивая, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать, и такая разумная – что только Иван на уме помыслит, а она уж ведаёт. Тогда Иван крестьянский сын справил себе сбрую богатырскую, оседлал своего доброго коня, простился с отцом, с матерью и поехал в столичный город к царю-государю.

□Ехал он близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, очутился у государева дворца, соскочил наземь, привязал богатырского коня за кольцо к дубовому столбу и велел доложить царю про свой приезд. Царь приказал его не задерживать, пропустить в палаты без всякой задирки. Иван вошёл в царские покои, помолился на святые иконы, поклонился царю и вымолвил:

– Здравия желаю, ваше величество!

– Здравствуй, крестник! – отвечал государь, посадил его за стол, начал угощать всякими напитками и закусками, а сам на него смотрит-дивуется: славный мо́лодец – и лицом красив, и

умом смышлен, и ростом взял; никто не подумает, что ему десять лет, всякий двадцать даст, да ещё с хвостиком! «По всему видно, – думает царь, – что в этом крестнике дал мне господь не простого воина, а сильномогучего богатыря». И пожаловал его царь офицерским чином и велел при себе служить.

□Иван крестьянский сын взялся за службу со всею охотою, ни от какого труда не отказывается, за правду грудью стоит; полюбил его за то государь пуще всех своих генералов и министров и никому из них не стал доверять так много, как своему крестнику. Озлобились на Ивана генералы и министры и стали совет держать, как бы оговорить его перед самим государем. Вот как-то созвал царь к себе знатных и близких людей на обед; как уселись все за стол, он и говорит:

– Слушайте, господа генералы и министры! Как вы думаете о моём крестнике?

– Да что сказать, ваше величество! Мы от него не видали ни худого, ни хорошего; одно дурно – больно хвастлив уродился. Уж не раз от него слыхивали, что в таком-то королевстве, за тридевять земель, выстроен большой мраморный дворец, а кругом превысокая ограда поставлена – не пробраться туда ни пешему, ни конному! В том дворце живёт Настасья прекрасная королева. Никому её не добыть, а он, Иван, похваляется её достать, за себя замуж взять.

□Царь выслушал этот оговор, приказал позвать своего крестника и стал ему сказывать:

– Что ж ты генералам да министрам похваляешься, что можешь достать Настасью-королеву, а мне про то ничего не докладываешь?

– Помилуйте, ваше величество! – отвечает Иван крестьянский сын. – Мне того и во сне не снилось.

– Теперь поздно отпираться; у меня коли похвалился, так и дело сделай; а не сделаешь – то мой меч, твоя голова с плеч!

Запечалился Иван крестьянский сын, повесил свою головушку ниже могучих плеч и пошёл к своему доброму коню. Возговорит ему конь человеческим голосом:

– Что, хозяин, кручинишься, а мне правды не сказываешь?

– Ах, мой добрый конь! Отчего мне весёлому быть? Оговорило меня начальство перед самим государем, будто я могу добыть и взять за себя замуж Настасью прекрасную королеву. Царь и велел мне это дело исполнить, а не то хочет рубить голову.

– Не тужи, хозяин! Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее. Мы это дело обделаем; только попроси у царя побольше денег, чтобы не скучать нам дорогою, было бы вдоволь и поесть и попить, что захочется.

Иван переночевал ночь, встал поутру, явился к государю и стал просить на поход золотой казны. Царь приказал выдать ему, сколько надобно. Вот добрый молодец взял казну, надел на своего коня сбрую богатырскую, сел верхом и поехал в путь-дорогу.

□Близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, заехал он за тридевять земель, в тридесятое королевство, и остановился у мраморного дворца; кругом дворца стены высокие, ни ворот, ни дверей не видно; как за ограду попасть? Говорит Ивану его добрый конь:

– Подождём до вечера! Как только стемнеет – оборочусь я сизокрылым орлом и перенесусь с тобой через стену. В то время прекрасная королева будет спать на своей мягкой постели; ты войди к ней прямо в спальню, возьми её потихоньку на руки и неси смело.

Вот хорошо, дождались они вечера; как только стемнело, ударился конь о сырую землю, оборотился сизокрылым орлом и говорит:

– Время нам своё дело делать; смотри не давай маху!

Иван крестьянский сын сел на орла; орёл поднялся в поднебесье, перелетел через стену и поставил Ивана на широком дворе.

□Пошёл добрый молодец в палаты, смотрит – везде тихо, вся прислуга спит глубоким сном; он в спальню – на кровати лежит Настасья прекрасная королева, разметала во сне покровы богатые, одеяла соболии. Засмотрелся добрый молодец на её красоту неописанную, на её тело белое, отуманила его любовь горячая, не выдержал и поцеловал королеву в уста сахарные. От того пробудилась красная девица и с испугу закричала громким голосом; на её голос поднялись, прибежали слуги верные, поймали Ивана крестьянского сына и связали ему руки и ноги накрепко. Королева приказала его в темницу посадить и давать ему в день по стакану воды да по фунту чёрного хлеба.

□Сидит Иван в крепкой темнице и думает думу невесёлую: «Верно, здесь мне положить свою буйную голову!» А его добрый богатырский конь ударился оземь и сделался малою птичкою, влетел к нему в разбитое окошечко и говорит:

– Ну, хозяин, слушайся: завтра я выломлю двери и тебя ослобоню; ты спрячься в саду за таким-то кустом; там будет гулять Настасья прекрасная королева, а я обернусь бедным стариком и стану просить у ней милостыни; смотри ж, не зевай, не то худо будет.

Иван повеселел, птичка улетела. На другой день бросился богатырский конь к темнице и выбил дверь копытами; Иван крестьянский сын выбежал в сад и стал за зелёным кустиком. Вышла погулять по саду прекрасная королева, только поравнялась супротив кустика – как подошёл к ней бедный старичок, кланяется и просит со слезами святой милостыни. Пока красная девица вынимала кошелек с деньгами, выскочил Иван крестьянский сын, ухватил её в охапку, зажал ей рот таково крепко, что нельзя и малого голосу подать. В тот же миг обернулся старик сизокрылым орлом, взбил с королевой и добрым молодцем высоко-высоко, перелетел через ограду, опустился на землю и сделался по-прежнему богатырским конём.

Иван крестьянский сын сел на коня и Настасью-королевну с собой посадил; говорит ей:

– Что, прекрасная королевна, теперь не запрёшь меня в темницу?

Отвечает прекрасная королевна:

– Видно, мне судьба быть твоею, делай со мной, что сам знаешь!

□ Вот едут они путём-дорогою; близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, приезжают на большой зелёный луг. На том лугу стоят два великана, друг дружку кулаками потчуют; избились-исколотились до крови, а ни один другого осилить не может; возле них лежат на траве помело да клюка.

– Послушайте, братцы! – спрашивает их Иван крестьянский сын. – За что вы дерётесь?

Великаны перестали драться и говорят ему:

– Мы оба – родные братья; помер у нас отец, и осталось после него всего-навсего имения – вот это помело да клюка; стали мы делиться, да и поссорились: каждому, вишь, хочется всё себе забрать! Ну, мы и решились драться не на живот, на´смерть, кто в живых останется – тот обе вещи получит.

– А давно вы спорите?

– Да вот уж три года, как друг дружку колотим, а толку всё не добьёмся!

– Эх вы! Есть из-за чего смертным боем драться. Велика ли корысть – помело да клюка?

– Не говори, брат, чего не ведаешь! С этим помелом да с клюкою хоть какую силу победить можно. Сколько б неприятель войска ни выставил, смело выезжай навстречу: где махнёшь помелом – там будет улица, а перемахнёшь – так и с переулочком. А клюка тоже надобна: сколько б ни захватил её войска – всё в плен заберёшь!

– Да, вещи хорошие! – думает Иван. – Пожалуй, пригодились бы и мне. Ну, братцы, – говорит, – хотите, я разделю вас поровну?

– Раздели, добрый человек!

Иван крестьянский сын слез с своего богатырского коня, набрал горсть мелкого песка, завёл великанов в лес и рассеял тот песок на все на четыре стороны.

– Вот, – говорит, – собирайте песок; у кого больше будет, тому и клюка и помело достанутся.

Великаны бросились собирать песок, а Иван тем временем схватил и клюку и помело, сел на коня – и поминай как звали!

□ Долго ли, коротко ли, подъезжает он к своему государству и видит, что его крестного отца постигла беда немалая: всё царство повоёвано, около стольного города стоит рать-сила несметная, грозит всё огнем пожечь, самого царя злой смерти предать. Иван крестьянский сын оставил королевну в ближнем лесочке, а сам полетел на войско вражее; где помелом махнёт – там улица, где перемахнёт – там с переулочком! В короткое время перебил целые сотни, целые тысячи; а что от смерти уцелело, то зацепил клюкою и живьём приволок в стольный город. Царь встретил его с радостью, приказал в барабаны бить, в трубы трубить и пожаловал генеральским чином и несметной казною. Тут Иван крестьянский сын вспомнил про Настасью прекрасную королевну, отпросился на время и привёз её прямо во дворец. Похвалил его царь за удаль богатырскую, велел ему дом готовить да свадьбу справлять. Женился Иван крестьянский сын на прекрасной королевне, отпировал свадьбу богатую и стал себе жить, не тужить. Вот вам сказка, а мне бубликов связка.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь

Жил старик со старухой; у них было три сына: двое умных, третий дурак. Старик со старухой умерли. Перед смертью отец говорил:

– Дети мои любезные! Ходите три ночи на мою могилу сидеть.

Они кинули между собой жребий; досталось дураку идти. Дурак пошёл на могилу сидеть; в полночь выходит отец его и спрашивает:

– Кто сидит?

– Я, батюшка, – дурак.

– Сиди, моё дитяtko, господь с тобою!

На другую ночь приходится большому брату идти на могилу; большой брат просит дурака:

– Поди, дурак, посиди за меня ночку; что хочешь возьми.

– Да, поди! Там мертвецы прыгают...

– Поди; красные сапоги тебе куплю.

Дурак не мог отговориться, пошёл другую ночку сидеть. Сидит на могилке, вдруг земля раскрывается, выходит его отец и

спрашивает:

– Кто сидит?

– Я батюшка, – дурак.

– Сиди, моё дитяtko, господь с тобою!

На третью ночь надо среднему брату идти, то он просит дурака:

– Сделай милость, поди посиди за меня; что хочешь возьми!

– Да, поди! Первая ночь страшна была, а другая ещё страшнее: мертвецы кричат, дерутся, а меня лихорадка трясёт!

– Поди; красную шапку тебе куплю.

Нечего делать, пошёл дурак и на третью ночь. Сидит на могилке, вдруг земля раскрывается, выходит его батюшка и спрашивает:

– Кто сидит?

– Я – дурак.

– Сиди, моё дитяtko, господь с тобою! Вот тебе от меня великое благословение.

И даёт ему три конских волоса. Дурак вышел в заповедные луга, прижёг-припалил три волоса и крикнул зычным голосом:

– Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой.

Бежит сивка-бурка, вещая каурка, изо рта полмя пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез – напился-наелся; в правое влез – в цветно платье нарядился и сделался такой молодец – ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать.

□Поутру царь клич кличет:

– Кто в третьем этаже мою дочь Милолику-царевну с разлёту на

коне поцелует, за того отдам её замуж.

Старшие братья собираются смотреть, зовут с собой дурака:

– Пойдём, дурак, с нами!

– Нет, не хочу; я пойду в поле, возьму кузов да набью галок – и то собакам корм!

Вышел в чистое поле, припалил три конские волоса и закричал:

– Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой.

Бежит сивка-бурка, вещая каурка, изо рта полмя пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез – напился-наелся; в правое влез – в цветно платье нарядился: сделался такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел верхом, рукой махнул, ногой толкнул и понёсся; его конь бежит, земля дрожит; горы, доли хвостом застиляет, пни, колоды промеж ног пускает. Через один этаж перескакал, через два – нет, и уехал назад.

□Братья приходят домой, дурак на полатях лежит; говорят ему:

– Ах, дурак! Что ты не пошёл с нами? Какой там молодец приезжал – ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать!

– Не я ли, дурак?

– Да где тебе такого коня достать! Утри прежде под носом-то!

На другое утро старшие братья собираются к царю смотреть, зовут с собой дурака:

– Пойдём, дурак, с нами; вчера приезжал хорош молодец, нынче ещё лучше приедет!

– Нет, не хочу; я пойду в поле, возьму кузов, набью галок и принесу – и то собакам корм!

Вышел в чистое поле, припалил конские волосы:

– Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка бежит, изо рта полыхая пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез – напился-наелся; в правое влез – в цветно платье нарядился, сделался такой молодец – ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел верхом, рукой махнул, ногой толкнул, через два этажа перескакал, через третий – нет; воротился назад, пустил своего коня в зелёные заповедные луга, а сам пришёл домой, лёг на печи.

□Братья приходят:

– Ах, дурак, что ты не пошёл с нами? Вчера приезжал хорош молодец, а нынче ещё лучше; и где эта красота родилась?

– Да не я ли, дурак, был?

– Эх, дурак дурацкое и говорит! Где тебе этакой красоты достать, где тебе такого коня взять? Знай на печи лежи...

– Ну, не я, так авось завтра узнаете.

На третье утро собираются умные братья к царю смотреть:

– Пойдем, дурак, с нами; нынче он её поцелует.

– Нет, не хочу; я в поле пойду, кузов возьму, набью галок, домой принесу – и то собакам корм!

Вышел в чистое поле, припалил конские волосы и закричал громким голосом:

– Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой. Сивка-бурка бежит, изо рта полыхая пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез – напился-наелся; в правое ушко влез – в цветно платье нарядился и сделался такой молодец – ни

вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел верхом, рукой махнул, ногой толкнул, через все три этажа перескакал, царскую дочь в уста поцеловал, а она его золотым перстнем ударила в лоб.

□Воротился дурак назад, пустил своего доброго коня в заповедные луга, а сам пришёл домой, завязал голову платком, лёг на полати. Братья приходят:

– Ах, дурак! Те два раза молодцы приезжали, а нынче ещё лучше; и где такая красота родилась?

– Да не я ли, дурак, был?

– Ну, дурак, дурацкое и орёт! Где тебе такой красоты достать?

Дурак развязал платок, всю избу осветил. Спрашивают его братья:

– Где ты такой красоты доставал?

– Где бы ни было, да достал! А вы всё не верили; вот вам и дурак!

□На другой день царь делает пир на весь православный мир, приказал сзывать во дворец и бояр, и князей, и простых людей, и богатых и нищих, и старых и малых: царевна-де станет выбирать своего наречённого жениха. Умные братья собираются к царю на обед; дурак завязал голову тряпицею и говорит им:

– Теперь хоть не зовите меня, я и сам пойду.

Пришёл дурак в царские чертоги и забился за печку. Вот царевна обносит всех вином, жениха выбирает, а царь за ней следом ходит. Всех обнесла, глянула за печку и увидела дурака; у него голова тряпицей завязана, по лицу слюни да сопли текут. Вывела его Милолика-царевна, утёрла платком, поцеловала и говорит:

– Государь батюшка! Вот мой суженый.

Видит царь, что жених нашёлся; хоть дурак, а делать нечего –

царское слово закон! И сейчас же приказал обвенчать их. У царя известное дело – ни пиво варить, ни вино курить; живо свадьбу справили.

□ У того царя было два зятя, дурак стал третий. Один раз призывает он своих умных зятьёв и говорит таково слово:

– Зятя мои умные, зятя разумные! Сослужите мне службу, какую я вам велю: есть в степи уточка золотые пёрышки; нельзя ли её достать мне?

Велел оседлать им добрых коней и ехать за уточкою. Дурак услышал и стал просить:

– А мне, батюшка, дай хоть водовозницу.

Дал ему царь шелудивую^[1] лошаdёнку; он сел на неё верхом, к лошадиной голове задом, к лошадиному заду передом, взял хвост в зубы, погоняет ладонями по бедрам:

– Но, но, собачье мясо!

Выехал в чистое поле, ухватил клячу за хвост, содрал с неё шкуру и закричал:

– Эй, слетайтесь, галки, карги^[2] и сороки! Вот вам батюшка корму прислал.

Налетели галки, карги и сороки и съели всё мясо, а дурак зовёт сивку-бурку:

– Стань передо мной, как лист перед травой.

□ Сивка-бурка бежит, изо рта полымя пышет, из ушей дым столбом валит; дурак влез в левое ушко – напился-наелся; в правое влез – в цветно платье нарядился и стал молодец. Добыл утку золотые пёрышки, раскинул шатёр, сам в шатре сидит; а возле уточка ходит. Наехали на него умные зятя, спрашивают:

– Кто, кто в шатре? Коли стар старичок – будь нам дедушка,

коли средних лет – будь нам дядюшка.

Отвечает дурак:

– В вашу пору – братец вам.

– А что, братец, продаёшь уточку золотые пёрышки?

– Нет, она не продажная, а заветная.

– А сколько завету?

– С правой руки по мизинцу.

Отрезали по мизинцу с правой руки и отдали дураку; он в карман положил. Приехали зятя домой, легли спать; царь с царицею ходят да слушают, что зятя говорят. Один говорит жене:

– Тише, руку мне развередила.

Другой говорит:

– Ох, больно! Рука болит.

□Поутру царь призывает к себе умных зятьёв:

– Зятя мои умные, зятя разумные! Сослужите мне службу, какую велю: ходит в степи свинка золотая щетинка с двенадцатью поросятами; достаньте мне её.

Приказал оседлать им добрых коней, а дураку опять дал шелудивую водовозницу. Дурак выехал в чистое поле, ухватил клячу за хвост, содрал шкуру:

– Эй, слетайтесь, галки, карги и сороки! Вам царь корму прислал.

Слетелись галки, карги и сороки и расклевали всё мясо. Дурак вызвал сивку-бурку, вещь каурку, добыл свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами и раскинул шатёр; сам в шатре сидит, свинка около ходит. Наехали умные зятя:

– Кто, кто в шатре? Коли стар старичок – будь нам дедушка, коли средних лет – будь нам дядюшка.

– В вашу пору – братец вам.

– Это твоя свинка золотая щетинка?

– Моя.

– Продай нам её; что возьмёшь?

– Не продажная, а заветная.

– Сколько завету?

– С ноги по пальцу.

Отрезали с ноги по пальцу, отдали дураку и взяли свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами.

□Наутро призывает царь своих умных зятьёв, приказывает им:

– Зятья мои умные, зятья разумные! Сослужите мне службу, какую велю: ходит в степи кобыла золотогривая с двенадцатью жеребятами; нельзя ли достать её?

– Можно, батюшка!

Приказал царь оседлать им добрых коней, а дураку опять дал шелудивую водовозницу. Сел он к лошадиной голове задом, к лошадиному заду передом, взял в зубы хвост, ладонями погоняет; умные зятья над ним смеются. Выехал дурак в чистое поле, ухватил клячу за хвост, содрал шкуру:

– Эй, слетайтесь, галки, карги и сороки! Вот вам батюшка корму прислал.

Слетелись галки, карги и сороки и поклевали всё мясо. Тут закричал дурак громким голосом:

– Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой.

□Сивка-бурка бежит, изо рту полымя пышет, из ушей дым столбом валит. Дурак в левое ушко влез – напился-наелся; в правое влез – в цветно платье нарядился и стал молодец.

– Надо, – говорит, – добыть кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами.

Отвечает ему сивка-бурка, вещая каурка:

– Прежние задачи были ребячьи, а это дело трудное! Возьми с собой три прута медных, три прута железных и три оловянных; станет за мною кобылица по горам, по долам гоняться, приустанет и упадёт наземь; в то время не плошай, садись на неё и бей промеж ушей всеми девятью прутьями, пока на мелкие части изломаются: разве тогда покоришь ты кобылицу златогривую.

Сказано – сделано; добыл дурак кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами и раскинул шатёр; сам в шатре сидит, кобылица к столбу привязана. Наехали умные зятя, спрашивают:

– Кто, кто в шатре? Коли стар старичок – будь нам дедушка, коли средних лет – будь нам дядюшка.

– В вашу пору молодец – братец вам.

– Что, братец, твоя кобыла к столбу привязана?

– Моя.

– Продай нам.

– Не продажная, а заветная.

– А сколько завету?

– Из спины по ремню.

Вот умные зятя жались-жались и согласились; дурак вырезал у них по ремню из спины и положил в карман, а им отдал кобылицу с двенадцатью жеребятами.

□На другой день собирает царь пир пировать; все сошлись. Дурак вынул из кармана отрезанные пальцы и ремни и говорит:

– Вот это – уточка золотые пёрышки, вот это свинка золотая щетинка, а вот это – кобылица золотогривая с двенадцатью жеребятами!

– Что ты бредишь, дурак? – спрашивает его царь, а он в ответ:

– Государь батюшка, прикажи-ка умным зятьям перчатки с рук снять.

Сняли они перчатки: на правых руках мизинцев нет.

– Это я с них по пальцу взял за уточку золотые пёрышки, – говорит дурак; приложил отрезанные пальцы на старые места – они вдруг приросли и зажили.

– Сними, батюшка, с умных зятьёв сапоги.

Сняли с них сапоги – и на ногах не хватает по пальцу.

– Это я с них взял за свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами.

Приложил к ногам отрезанные пальцы – вмиг приросли и зажили.

– Батюшка, сними с них сорочки.

Сняли сорочки, у обоих зятьёв из спины по ремню вырезано.

– Это я с них взял за кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами.

Приложил те ремни на старые места – они приросли к спинам и зажили.

– Теперь, – говорит дурак, – прикажи, батюшка, коляску заложить.

□Заложили коляску, сели и поехали в чистое поле. Дурак прижёг-припалил три конские волоса и крикнул громким голосом:

– Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой.

Конь бежит, земля дрожит, изо рта полымя пышет, из ушей дым столбом валит, прибежал и стал как вкопанный. Дурак в левое ушко влез – напился-наелся; в правое влез – в цветно платье нарядился и сделался такой молодец – ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать! С того времени жил он с своей женою по-царски, ездил в коляске, пиры задавал; на тех пирах и я бывал, мёд-вино пивал; сколько ни пил – только усы обмочил!

---

[1] – Шелудивый – имеющий струпья, коросту на коже; паршивый.

[2] – Вороны.

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сивко-бурко

Жил-был старик; у него было три сына, третий-от Иван-дурак, ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался.

Отец стал умирать и говорит:

– Дети! Как я умру, вы каждый поочерёдно ходите на могилу ко мне спать по три ночи, – и умер.

Старика схоронили. Приходит ночь; надо большому брату ночевать на могиле, а ему – коё лень, коё боится, он и говорит малому брату:

– Иван-дурак! Поди-ка к отцу на могилу, ночуй за меня. Ты ничего же не делаешь!

Иван-дурак собрался, пришёл на могилу, лежит; в полночь вдруг могила расступилась, старик выходит и спрашивает:

– Кто тут? Ты, большой сын?

– Нет, батюшка! Я, Иван-дурак.

Старик узнал его и спрашивает:

– Что же больш-от сын не пришёл?

– А он меня послал, батюшка!

– Ну, твоё счастье!

Старик свистнул-гайкнул^[1] богатырским посвистом:

– Сивко-бурко, вещей воронко!

Сивко бежит, только земля дрожит, из очей искры сыплются, из ноздрей дым столбом.

– Вот тебе, сын мой, добрый конь; а ты, конь, служи ему, как мне служил.

Проговорил это старик, лёг в могилу. Иван-дурак погладил, поласкал сивка и отпустил, сам домой пошёл. Дома спрашивают братья:

– Что, Иван-дурак, ладно ли ночевал?

– Очень ладно, братья!

Другая ночь приходит. Средний брат тоже не идёт ночевать на могилу и говорит:

– Иван-дурак! Поди на могилу-то к батюшке, ночуй и за меня.

Иван-дурак, не говоря ни слова, собрался и покатил, пришёл на могилу, лёг, дожидается полночи. В полночь также могила раскрылась, отец вышел, спрашивает:

– Ты, средний сын?

– Нет, – говорит Иван-дурак, – я же опять, батюшка!

Старик гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом:

– Сивко-бурко, вещий воронко!

Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом.

– Ну, бурко, как мне служил, так служи и сыну моему. Ступай теперь!

Бурко убежал; старик лёг в могилу, а Иван-дурак пошёл домой. Братья опять спрашивают:

– Каково, Иван-дурак, ночевал?

– Очень, братья, ладно!

На третью ночь Иванова очередь; он не дожидается наряды, собрался и пошёл. Лежит на могиле; в полночь опять старик вышел, уж знает, что тут Иван-дурак, гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом:

– Сивко-бурко, вещий воронко!

Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом.

– Ну, воронко, как мне служил, так и сыну моему служи.

Сказал это старик, простился с Иваном-дураком, лёг в могилу. Иван-дурак погладил воронка, посмотрел и отпустил, сам пошёл домой. Братья опять спрашивают:

– Каково, Иван-дурак, ночевал?

– Очень ладно, братья!

□Живут; двое братовой робят^[2], а Иван-дурак ничего. Вдруг от царя клич: ежели кто сорвёт царевнин портрет с дому чрез сколько-то много брёвен, за того её и взамуж отдаст. Братья собираются посмотреть, кто станет срывать портрет. Иван-дурак сидит на печи за трубой и бает:

– Братья! Дайте мне каку лошадь, я поеду посмотрю же.

– Э! – взъелись братья на него. – Сиди, дурак, на печи; чего ты поедешь? Людей, что ли, смешить!

Нет, от Ивана-дурака отступу нету! Братья не могли отбиться:

– Ну, ты возьми, дурак, вон трёхногую кобылёнку!

□Сами уехали. Иван-дурак за ними же поехал в чисто поле, в широко раздолье; слез с кобылёнки, взял её зарезал, кожу снял, повесил на поскотину^[3], а мясо бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом:

– Сивко-бурко, вещей воронко!

Сивко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в одно ушко залез – напился-наелся, в друго вылез – оделся, молодец такой стал, что и братьям не узнать! Сел на сивка и поехал срывать портрет. Народу было тут видимо-невидимо; завидели молодца, все начали смотреть. Иван-дурак с размаху нагнал, конь его скочил и портрет не достал только через три бревна. Видели, откуда приехал, а не видали, куда уехал! Он коня отпустил, сам пришёл

домой, сел на печь. Вдруг братья приезжают и сказывают женам:

– Ну, жены, какой молодец приезжал, так мы такого сроду не видали! Портрет не достал только через три бревна. Видели, откуда приехал; не видали, куда уехал. Ещё опять приедет...

Иван-дурак сидит на печи и говорит:

– Братья, не я ли тут был?

– Куда к чёрту тебе быть! Сиди, дурак, на печи да протирай нос-от.

□Время идёт. От царя тот же клич. Братья опять стали собираться, а Иван-дурак и говорит:

– Братья! Дайте мне каку-нибудь лошадь.

Они отвечают:

– Сиди, дурак, дома! Другу лошадь ты станешь переводить!

Нет, отбиться не могли, велели опять взять хромую кобылёшку. Иван-дурак и ту управил, заколол, кожу развесил на поскотине, а мясо бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом:

– Сивко-бурко, вещей воронко!

Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в право ухо залез – оделся, выскочил в лево – молодцом сделался, соскочил на коня, поехал; портрет не достал только за два бревна. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал! Бурка отпустил, а сам пошёл домой, сел на печь, дожидается братовой. Братья приехали и сказывают:

– Бабы! Тот же молодец опять приезжал, да не достал портрет только за два бревна.

Иван-дурак и говорит им:

– Братья, не я ли тут был?

– Сиди, дурак! Где у чёрта был!

□Через немного время от царя опять клич. Братья начали собираться, а Иван-дурак и просит:

– Дайте, братья, каку-нибудь лошадь; я съезжу, посмотрю же.

– Сиди, дурак, дома! Докуда лошадей-то у нас станешь переводить?

Нет, отбиться не могли, бились-бились, велели взять худую кобылёшку; сами уехали. Иван-дурак и ту управил, зарезал, бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом:

– Сивко-бурко, вещей воронко!

Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в одно ушко залез – напился-наелся, в друго вылез – молодцом оделся, сел на коня и поехал.

Как только доехал до царских чертогов, портрет и ширинку^[4] так и сорвал. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал! Он так же воронка отпустил, пошёл домой, сел на печь, ждёт братовой. Братья приехали, сказывают:

– Ну, хозяйки! Тот же молодец как нагнал сегодня, так портрет и сорвал.

Иван-дурак сидит за трубой и бает:

– Братья, не я ли тут был?

– Сиди, дурак! Где ты у чёрта был!

□Через немного время царь сделал бал, созывает всех бояр, воевод, князей, думных, сенаторов, купцов, мещан и крестьян. И Ивановы братья поехали; Иван-дурак не отстал, сел где-то на печь за трубу, глядит, рот разинул. Царевна потчует гостей,

каждому подносит пива и смотрит, не утрётся ли кто ширинкой? – тот её и жених. Только никто не утёрся; а Иван-дурака не видала, обошла. Гости разошлись. На другой день царь сделал другой бал; опять виноватого не нашли, кто сорвал ширинку^[5]. На третий день царевна так же стала из своих рук подносить гостям пиво; всех обошла, никто не утёрся ширинкой. «Что это, – думает она себе, – нет моего суженого!» Взглянула за трубу и увидела там Ивана-дурака; платьишко на нём худое, весь в саже, волосы дыбом. Она налила стакан пива, подносит ему, а братья глядят, да и думают: царевна-то и дураку-то подносит пиво! Иван-дурак выпил, да и утёрся ширинкой. Царевна обрадовалась, берёт его за руку, ведёт к отцу и говорит:

– Батюшка! Вот мой суженый.

Братовой тут ровно ножом по сердцу-то резнуло, думают: «Чего это царевна! Не с ума ли сошла? Дурака ведёт в сужены». Разговоры тут коротки: весёлым пирком да за свадебку. Наш Иван тут стал не Иван-дурак, а Иван царский зять; оправился, очистился, молодец молодцом стал, не стали люди узнавать! Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу к отцу.

---

[1] – Гайкать – кричать, кликать.

[2] – Работают.

[3] – Поскотина – городьба вокруг скотного выгона.

[4] – Ширинка – устар. короткое полотнище ткани во всю ширину, а также платок, полотенце, скатерть.

[5] – Платок, полотенце.

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде

Жил царь, у этого царя было три сына; говорит царь детям своим: «Привиделось мне во сне, что в некотором царстве, за триста земель, в трехсотенном государстве, есть Елена Прекрасная, и есть у ней живая и мертвая вода и моложавые яблоки; не можете ли вы, детки, достать?» Старшие два сына и говорят: «Благослови нас, батюшка! Мы пойдем доставать». Он их и благословил, и пошли они; а третий сын, восьмилетний, остался дома. Через два года стал и последний сын проситься, что «и я поеду за своими братьями; что-нибудь и я им помогу». И говорит отец: «Где же тебе с молодых лет идти на чужую сторону?» Потом подумал царь и отпустил его, и стал ему сын говорить: «Батюшка! Пожалуйста мне лошадку». Царь говорит: «Ну, поди – выбирай: у меня в конюшне пятьсот лошадей». Он пошел; которую лошадь ударит по крестцу, так и с ног долой упадет; из пятисот лошадей не выбрал ни одной по себе лошади и сказывает своему отцу, что «я, батюшка, у тебя не выбрал ни одной

лошади; теперь пойду в чистое поле, в зеленые луга – не выберу ль по себе лошади в табунах?»

Пошел в чистое поле; долго-долго шел, на пустом месте стоит изобка, а в изобке сидит старая старуха. Спрашивает ее Иван-царевич: «Что, бабушка, не знаешь ли ты где табунов и нет ли в табунах хороших лошадей?» Ответ держит старуха: «На что же лучше – у твоего батюшки пятьсот лошадей!» Говорит Иван-царевич, что «у моего отца нету по мне ни одной лошади». – «Коли так, поди же ты, Иван-царевич, вот здесь есть село, около села есть гора, на этой горе валяется богатырь заместо собаки; возьми ты спросись у попов: можно ли похоронить этого богатыря? Есть у богатыря конь за двенадцатью дверьми железными, за двенадцатью замками медными, на двенадцати цепях; один меч у него четыре человека на носилках носят». Попы взялись и похоронили этого богатыря; а Иван-царевич собрал поминальный стол и закупил всякого припасу из харчевого, вин, водок, столов и стульев, ножей и ложек. И отобедал народ православный; говорит Иван-царевич: «Бери, народ православный, что кому надобно!»

Тотчас зачали тащить, что кому надобно, и разнесли по домам; остался один Иван-царевич на горé, и гласит ему мертвый богатырь: «Благодарю тебя, млад Иван-царевич, что похоронил меня в честности, и дарю тебе своего коня: стоит он в казенном погребе за двенадцатью дверьми железными, за двенадцатью замками медными, на двенадцати цепях; дарю тебе и меч и латы мои. Если сможешь, владей на здоровье!» Иван-царевич пошел в казенный погреб и начал двери ломать; он кулаком дверь проломит, а лошадь цепь перервет. Так Иван-царевич все двери переломал, а лошадь все цепи перервала. И хотела эта лошадь на волю уйтить; но Иван-царевич ухватил ее за гриву и говорит: «Стой, конь, волчье мясо, сорокаалтынная кляча! Кому же на вас и ездить, как не нам, добрым молодцам?» Надел на коня узду, оседлал его; на себя наложил латы богатырские, в правую руку меч взял и начал мечом помахивать, ровно как гусиным пером.

Отправляется он в путь-дорогу; ехал много ли, мало ли время,

все земли проехал и попал в трехсотенное государство, где только лес да вода. В лесу тропинка есть – только пешему пройти да верхом проехать; Иван-царевич пустился по той тропинке и приехал к избушке. Вошел в эту избушку; там живет красная девушка. Говорит ему девушка: «Куда тебя бог несет?» Отвечает Иван-царевич: «К твоей сестре, Елене Прекрасной, – достать живой и мертвой воды и молодежавых яблоков да ее портрет». – «Садись же ты, добрый молодец, на моего летучего сокола; а своего коня у меня оставь». Сел он на сокола и полетел. Летел-летел, стоит еще избушка; вошел – в избушке сидит красная девушка. Спрашивает Иван-царевич: «Как бы мне проехать к твоей сестре, Елене Прекрасной?» Говорит девушка: «Садись на моего сокола, а своего у меня оставь, и прилетишь ты к ее дому; там стоят двенадцать церквей, и от всякой церкви всё шнуры натянуты. Постарайся ты, как можно, чтобы живо перелететь, за шнуры не зацепить».

Иван-царевич прилетел к дому Елены Прекрасной; вошел в одну горницу, потом в другую: в обеих девушки почивают – одна другой краше! Ступил в третью горницу, а там почивает сама Елена Прекрасная, и стоит у ней на столе живая и мертвая вода, и портрет ее тут же; а из этой горницы ход в сад, где молодежавые яблоки. Иван-царевич взял живую и мертвую воду и портрет Елены Прекрасной, самоё ее облюбил; потом вскочил в сад, сорвал пять яблоков, завязал в платок и вышел из дому; сел на сокола и полетел, да как стал перелетать через шнуры, и говорит сам себе: «Что я за воин храбрый! Дай зацеплю за шнуры». Зацепил за шнуры, и во всех церквях колокола зазвонили, и проснулась Елена Прекрасная и говорит: «Что такой за невежа был, квашню раскрыл и две полушки на смех положил!» Сейчас крикнула: «Подавайте моего доброго коня, я его на дороге догоню».

А Иван-царевич прилетел в избушку к Елениной сестре, переменил одного сокола на другого и опять вперед полетел. Вслед за ним и Елена Прекрасная к своей сестре приехала и говорит ей: «Для чего вы приставлены? Ничего не видите! Какой-то невежа был,

мою квашню раскрыл, на покрывше две полушки положил». Отвечает сестра: «Я сама в дороге была, своего сокола запарила и здесь никого не видала». Елена Прекрасная опять поехала догонять Ивана-царевича; а Иван-царевич приехал в другую изобку и переменял сокола на богатырского коня. Приезжает Елена Прекрасная к другой сестре и говорит: «Что вы смотрите! Для чего вы здесь приставлены? У меня какой-то невежа был, квашню раскрыл – не покрыл, на смех две полушки положил». Отвечает сестра: «Изволь посмотреть моего сокола, весь в поту! Я сама из дороги сейчас приехала».

Иван-царевич приехал в третью изобку, и дала ему старуха платочек: «Если за тобой будут гнаться, то брось этот платочек». Приезжает к старухе Елена Прекрасная и говорит: «Что вы смотрите, для чего вы приставлены? У меня какой-то невежа был, квашню раскрыл – не покрыл, на смех две полушки положил». Отвечает старуха: «Я сама сейчас из дороги приехала».

Елена Прекрасная опять погналась в погоню за Иваном-царевичем и как стала догонять его, Иван-царевич бросил платочек – и сделалось ужасное море, что нельзя ни пройти, ни проехать. Подъехала Елена Прекрасная к берегу и закричала через море: «Кто такой в моем царстве был, царь-царевич или король-королевич?» Отвечает Иван-царевич: «Я ни царь, ни король, а малолетний царский сын». – «Дождись ж меня! – сказала Елена Прекрасная. – Через двенадцать лет я к тебе буду на двенадцати кораблях».

Иван-царевич повернул прочь от моря и попал другою дорогою – не там, где прежде ехал, и прискакал к большому дому; въехал на двор, на дворе стоит столб точеный, у столба прибито кольцо золоченое; привязал своего коня к золоченому кольцу, дал ему белоярой пшеницы и пошел в горницу. Сидит в горнице красная девица и говорит ему: «Неладно, православный, ты сюда попал! Здесь живет ведьма, летает она по дорогам на соколе и ловит крещеный народ к себе на мытарства. Я сама заплонена здесь двенадцатый год; если ты возьмешь меня с собою, то я тебя

добрѹ научу: как прилетит ведьма да станет класть тебя на кровать, то смотри к стенке не ложись!» Вот прилетела ведьма и стала его к стенке класть; а он к стенке не ложится. «Мне, – говорит, – надо выходить к лошади». Ведьма сама легла к стенке, а Иван-царевич с краю, да тотчас отвинтил все три винта – ведьма и попала в погреб.

Взял он с собой красну дѣвицу и поехал; много ли, мало ли места отъехал, видит – на дороге яма, и лежат около этой ямы два человека. Спрашивает Иван-царевич: «Что вы за люди и чего дожидаетесь?» – «Ах, Иван-царевич! Ведь мы твои братья». – «Что ж вы, братцы, высматривали?» – «Да вот здесь прекрасная девушка посажена». Сказал им Иван-царевич: «Возьмите-ка, братцы, у меня да подержите живую и мертвую воду и моложавые яблоки, а меня опустите в эту яму; я вам достану оттудова прекрасную девушку. Как скоро вы девушку вытащете, опускайте за мной веревку». Тотчас опустился Иван-царевич в яму, добыл там прекрасную девушку и привязал ее за веревку. Большие братья-царевичи начали тащить, вытащили девушку и говорят: «Не станем к нему опускать веревку; теперь у нас все есть: живая и мертвая вода, моложавые яблоки, и портрет Елены Прекрасной, и по невесте на каждого». Задумали они взять и коня Ивана-царевича; стали его ловить, а конь им не дается; так и не поймали!

Вот старшие братья пошли к своему отцу домой; а Иван-царевич в той яме так слезьми и обливается. Ходил он там много ли, мало ли время и пришел на нижний свет. Усмотрел избушку, в той избушке сидит старая старуха, и говорит Иван-царевич: «Нельзя ли как-нибудь, бабушка, доставить меня на верхний свет?» Отвечает ему старуха: «Нет, батюшка Иван-царевич, нельзя никак! Разве вот как: у нашего царя есть три дочери, и берут его дочерей змеям на съедение; коли ты царю поможешь, он тебя тож не оставит. Поезжай с богом; я тебе дам свою лошадь, и латы, и меч».

Иван-царевич оседлал быстрого коня, надел на себя чугунные латы, взял в руки меч и поехал к тому месту, куда змей прилетает. Приехал, а там уж давно сидит царевна на камушке и

лютого змея дожидается. Спрашивает ее Иван-царевич: «Что ты, царевна, здесь дожидаться?» Говорит она печально: «Уйди, добрый молодец! Привезли меня сюда змею на съедение». – «А ну, поищи у меня в голове; а как только в море волны заколыхаются, сейчас меня разбуди». Лег к ней на колени и заснул. Волны в море заколыхались, красная девица начала будить Ивана-царевича и никак не может его разбудить. С великого горя капнула у ней слеза из глаз и попала царевичу на щеку; он проснулся и говорит: «Ах, как ты меня своей слезой обожгла!»

Прилетел змей осьмиглавый поедать царскую дочь и говорит Ивану-царевичу: «Ты зачем здесь, блоха рубашная?» А Иван-царевич говорит змею: «А ты зачем, гнида головная? Крещеный народ поедает, а сыт не бываешь!» – «Я и тебя съем!» – «Нет, попробуй прежде с сильными, могучими плечьями побарахтаться». Говорит змей: «Делай мост по́ морю, и пойдем с тобой воевать». – «Экий! Ведь я крещеный человек, а ты некрещеный; делай ты мост». Змей только дунул, и сделался по́ морю ледяной мост. Поехали они воевать. Змей разъехался и ударил Ивана-царевича – только шапку ему с головы свалил; а Иван-царевич разъехался на своем богатырском коне и ударил змея – сразу его убил. Сейчас соскочил с своего коня и положил этого змея под камень; подъехал к красной девице прощаться, и дала ему царская дочь на память свое кольцо золотое. В то самое время был от царя послан Макарка плешивый, косорукий – убрать дочерние косточки, когда змей улетит. Макарка видел, как Иван-царевич змея убил; прибежал к царевне и говорит: «Скажи своему отцу, что я тебя от смерти спас; а не то – сейчас тебя убью!» Она испугалась и сказала: «Хорошо, будь по-твоему!» Приехали во дворец, говорит царю Макарка: «Я твою дочь спас, змея убил и под камень положил».

Спустя несколько времени присылает другой змей к царю приказ, чтобы привозил свою дочь к нему на съедение. Макарка говорит царю: «Дай мне саблю хорошую, я опять змея убью!» И повез он другую царскую дочь змею на съедение; привез и посадил ее на камень, а сам взлез на самую высокую сосну. Сидит она на камне

да слезьми обливается; приезжает Иван-царевич, слез с коня, сел около девушки и говорит: «Поищи у меня в голове, а как только в море волны заколыхаются, сейчас меня разбуди!» Вот заколыхались в море волны, стала она будить его и не могла добудиться, покуда не капнула ему на щеку горячая слеза. Он проснулся и говорит: «Как ты меня долго не будила!» Прилетел змей десятиглавый и говорит Ивану-царевичу: «Что ты, блоха рубашная, поворачиваешься?» А Иван-царевич говорит змею: «А ты что, гнида головная, сюда приезжаешь да народ крещеный поедает?» – «Я и тебя съем!» – «Нет, попробуй сперва повоевать со мной!» – «Ну, делай мост по морю». – «Я человек крещеный, а ты некрещеный; делай ты!»

Змей только дунул, и сделался ледяной мост. Вот они поехали воевать. Змей разъехался и ударил Ивана-царевича – он только пошатнулся, сидя на лошади; а Иван-царевич как ударил змея своим мечом, так и снес ему пять голов долой; потом еще ударил – и убил змея до смерти. Дала ему царевна золотое кольцо; он взял и уехал домой к старушке. Тут Макарка плешивый, косорукий слез с сосны, взял свою саблю, об камень бил-бил, бил-бил, до самой ручки изломал; пришел к царевне и говорит: «Смотри ты, скажи своему отцу, что я тебя от смерти спас, а не то убью тебя!» Приехали они во дворец, и говорит Макарка царю: «Я твою дочку от смерти спас; вот как я постарался, всю саблю изломал!» Царь обещался отдать за него свою младшую дочь замуж.

Потом пишет двенадцатиглавый змей, требует царскую дочь на съедение. Макарка повез третью царевну змею на съедение, посадил ее на камень, а сам со страстей взлез выше прежнего на дерево. Царевна сидит да горько плачет; приезжает к ней Иван-царевич и говорит: «Поищи у меня в голове, а как в море волны заколыхаются, сейчас меня разбуди!» Вот волны заколыхались, стала она будить его; он вскочил и сел на своего доброго коня. Прилетел змей о двенадцати голов и говорит: «Ты что здесь, блоха рубашная, толкаешься?» – «А ты что, гнида головная, сюда прилетаешь, только народ поедает?» – «Я и тебя съем!» – «Нет,

давай-ка могучими богатырскими плечьями побарахтаемся». Говорит змей: «Ты думаешь: моих братьев убил, так и меня убьешь? Нет, брат, не таковский я!»

Вышли они на поле и зачали воевать. Иван-царевич как разъехался на своем коне, так змею и снес шесть голов; змей и просит: «Дай мне отдохнуть!» А лошадь Ивана-царевича говорит: «Не давай ни одной минуты отдыхать!» Он еще мечом ударил и убил змея до смерти. Царевна подарила ему свое золотое кольцо; Иван-царевич взял змея, положил под камень, а сам к старухе поехал. Макарка мигом слез с дерева, взял царевну и повел к царю. Царь так возрадовался, что и сказать нельзя, благодарит Макарку, созывает к себе весь народ православный и с музыкою и говорит: «Кто будет играть, тому на радостях много пожалую».

Собрался весь народ и все музыканты; а Иван-царевич купил себе трехалтынную балалайку, пришел к царю в дом и так заиграл, что весь мир-народ удивился; его балалайка бренчит-выговаривает: «Девушка, девушка! Не забудь же меня на чужой стороне». Стали ему царские дочери водку подносить; он выпил у одной царевны и бросил в стакан золотое кольцо – то самое, что она подарила; выпил у другой – то же сделал; выпил у третьей, стал кольцо вынимать... Тут царевны его признали, в один голос закричали: «Вот кто нас избавил, а не Макарка плешивый!» Макарка заспорил, говорит, что «это я всех змеев убил; пойдите, я вам покажу, куда змеиные тела поклял». Пошли посмотреть. Макарка хотел камень поднять, силился-силился и не мог поднять. «Ах, – говорит, – как камень-то сел!» А Иван-царевич подошел, сейчас камень поднял и тела и головы змеиные показал. Царь приказал Макарку из пушек расстрелять.

Тогда Иван-царевич стал царя просить, чтобы доставил его на верхний свет; царь приказал позвать птицу-сокола и велел соколу Ивана-царевича на тот свет доставить. Сокол говорит царю: «Давай мне четыре дощана говядины, чтобы во всяком дощане было сто пудов». Царь заготовил говядины; сокол привязал к себе четыре дощана говядины, посадил на себя Ивана-царевича и полетел; летел-летел и зачал просить есть. Иван-

царевич и начал ему кидать, всю говядину раскидал, а он опять просит; царевич зачал ему кидать пустые дощаны, покидал и те – он все просит; начал кидать свое платье, и то раскидал, нечего стало бросать больше, а сокол все-таки просит. «Не то, – говорит, – на низ опускаюсь!» Иван-царевич оторвал свои икры и бросил ему, сокол съел и вылетел с царевичем на верхний свет; тут сокол кашлянул и выкинул его икры и платье.

Вот Иван-царевич пришел к своему отцу, поздоровался; отец и говорит: «Что, сынок, я тебе говорил: не ходи! А вот старшие твои братья принесли мне всего: и живой воды, и мертвой, и молодых яблоков, и портрет Елены Прекрасной». Иван-царевич отвечал своему отцу: «Что же делать? Их счастье!»

Прошло двенадцать лет, приезжает Елена Прекрасная по морю на двенадцати кораблях и два сына с собой привезла. Как только приплыла она, зачала в пушки палить и говорит: «Подайте мне виноватого!» Дунула Елена Прекрасная, и сделался от ее кораблей и до царского дворца хрустальный мост. Говорит царь своим большим сыновьям: «Ступайте, дети! Должно быть, вы виноваты». Вот они и пошли по хрустальному мосту; посмотрела Елена Прекрасная в подзорную трубку и говорит своим детям: «Подите, детушки, проводите вы своих дядюшек в два прутика железные». Они пошли, как зачали их прутьями пороть, только дай бог ноги унести! Насилу царевичи до своего дворца дошли.

Елена Прекрасная опять зачала из пушек бить. «Подавайте, – говорит, – виноватого!» Вот царь стал посылать меньшего сына: «Должно быть, это ты, Иван-царевич, начудил!» Иван-царевич пошел по хрустальному мосту; смотрит Елена Прекрасная в подзорную трубку и говорит: «Подите, детушки, возьмите своего батюшку под ручки и ведите сюда с честью». После того вышла Елена Прекрасная за Ивана-царевича замуж, и рассказал Иван-царевич своему отцу, как братья опустили его в яму и как взяли у него живую и мертвую воду, молодые яблоки и портрет Елены Прекрасной. Царь приказал их сейчас из пушек убить; вывели их, рабов божиих, в чистое поле и казнили. А Иван-царевич стал жить с Еленой Прекрасною.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Жар-птица и Василиса-царевна

В некотором царстве, за тридевять земель – в тридесятом государстве жил-был сильный, могучий царь. У того царя был стрелец-молодец, а у стрельца-молодца конь богатырский. Раз поехал стрелец на своём богатырском коне в лес поохотиться; едет он дорогою, едет широкою – и наехал на золотое перо жар-птицы: как огонь перо светится! Говорит ему богатырский конь:

– Не бери золотого пера; возьмёшь – горе узнаешь!

И раздумался добрый молодец – поднять перо али нет? Коли поднять да царю поднести, ведь он щедро наградит; а царская милость кому не дорога?

□ Не послушался стрелец своего коня, поднял перо жар-птицы, привёз и подносит царю в дар.

– Спасибо! – говорит царь. – Да уж коли ты достал перо жар-птицы, то достань мне и самую птицу; а не достанешь – мой меч, твоя голова с плеч!

Стрелец залился горькими слезами и пошёл к своему богатырскому коню.

– О чём плачешь, хозяин?

– Царь приказал жар-птицу добыть.

– Я ж тебе говорил: не бери пера, горе узнаешь! Ну да не бойся, не печалься; это ещё не беда, беда впереди! Ступай к царю, проси, чтоб к завтраму сто кулей белоярой пшеницы было по всему чистому полю разбросано.

Царь приказал разбросать по чистому полю сто кулей белоярой пшеницы.

□На другой день на заре поехал стрелец-молодец на то поле, пустил коня по воле гулять, а сам за дерево спрятался. Вдруг зашумел лес, поднялись волны на море – летит жар-птица; прилетела, спустилась наземь и стала клевать пшеницу. Богатырский конь подошёл к жар-птице, наступил на её крыло копытом и крепко к земле прижал; стрелец-молодец выскочил из-за дерева, прибежал, связал жар-птицу верёвками, сел на лошадь и поскакал во дворец. Приносит царю жар-птицу; царь увидал, возрадовался, благодарил стрельца за службу, жаловал его чином и тут же задал ему другую задачу:

– Коли ты сумел достать жар-птицу, так достань же мне невесту: за тридевять земель, на самом краю света, где восходит красное солнышко, есть Василиса-царевна – её-то мне и надобно. Достанешь – златом-серебром награжу, а не достанешь – то мой меч, твоя голова с плеч!

□Залился стрелец горькими слезами, пошёл к своему богатырскому коню.

– О чём плачешь, хозяин? – спрашивает конь.

– Царь приказал добыть ему Василису-царевну.

– Не плачь, не тужи; это ещё не беда, беда впереди! Ступай к царю, попроси палатку с золотой маковкой да разных припасов и напитков на дорогу.

Царь дал ему и припасов, и напитков, и палатку с золотой маковкой. Стрелец-молодец сел на своего богатырского коня и поехал за тридевять земель; долго ли, коротко ли – приезжает он на край света, где красное солнышко из синя моря восходит. Смотрит, а по синю морю плывёт Василиса-царевна в серебряной лодочке, золотым веслом попиhaется^[1]. Стрелец-молодец пустил своего коня в зелёных лугах гулять, свежую травку щипать; а сам разбил палатку с золотой маковкой, расставил разные кушанья и напитки, сел в палатке – угощается, Василисы-царевны дожидается.

□А Василиса-царевна усмотрела золотую маковку, приплыла к берегу, выступила из лодочки и любуется на палатку.

– Здравствуй, Василиса-царевна! – говорит стрелец. – Милости просим хлеба-соли откусать, заморских вин испробовать.

Василиса-царевна вошла в палатку; начали они есть-пить, веселиться. Выпила царевна стакан заморского вина, опьянела и крепким сном заснула. Стрелец-молодец крикнул своему богатырскому коню, конь прибежал; тотчас снимает стрелец палатку с золотой маковкой, садится на богатырского коня, берёт с собою сонную Василису-царевну и пускается в путь-дорогу, словно стрела из лука.

□Приехал к царю; тот увидал Василису-царевну, сильно возрадовался, благодарил стрельца за верную службу, наградил его казною великою и пожаловал большим чином. Василиса-царевна проснулась, узнала, что она далеко-далеко от синего моря, стала плакать, тосковать, совсем из лица переменялась; сколько царь ни уговаривал – всё понапрасну. Вот задумал царь на ней жениться, а она и говорит:

– Пусть тот, кто меня сюда привёз, поедет к синему морю, посреди того моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано моё подвенечное платье – без того платья замуж не пойду!

Царь тотчас за стрельцом-молодцом:

– Поезжай скорей на край света, где красное солнышко восходит; там на синем море лежит большой камень, а под камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье и привези сюда; пришла пора свадьбу играть! Достанешь – больше прежнего награжу, а не достанешь – то мой меч, твоя голова с плеч!

Залился стрелец горькими слезами, пошёл к своему богатырскому коню.

– Вот когда, – думает, – не миновать смерти!

– О чём плачешь, хозяин? – спрашивает конь.

– Царь велел со дна моря достать подвенечное платье Василисы-царевны.

– А что говорил я тебе: не бери золотого пера, горе наживёшь! Ну да не бойся: это ещё не беда, беда впереди! Садись на меня да поедем к синю морю.

□Долго ли, коротко ли – приехал стрелец-молодец на край света и остановился у самого моря; богатырский конь увидел, что большущий морской рак по песку ползёт, и наступил ему на шейку своим тяжёлым копытом. Возговорил морской рак:

– Не дай мне смерти, а дай живота! Что тебе нужно, всё сделаю.

Отвечал ему конь:

Посреди синя моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье!

Рак крикнул громким голосом на всё сине море; тотчас море всколыхалось: сползли со всех сторон на берег раки большие и малые – тьма-тьмущая! Старшой рак отдал им приказание, бросились они в воду и через час времени вытащили со дна моря, из-под великого камня, подвенечное платье Василисы-царевны.

□Приезжает стрелец-молодец к царю, привозит царевнино платье; а Василиса-царевна опять заупрямилась.

– Не пойду, – говорит царю, – за тебя замуж, пока не велишь ты стрельцу-молодцу в горячей воде искупаться.

Царь приказал налить чугунный котёл воды, вскипятить как можно горячей да в тот кипяток стрельца бросить. Вот всё готово, вода кипит, брызги так и летят; привели бедного стрельца.

– Вот беда, так беда! – думает он. – Ах, зачем я брал золотое перо жар-птицы? Зачем коня не послушался?

Вспомнил про своего богатырского коня и говорит царю:

– Царь-государь! Позволь перед смертью пойти с конём попрощаться.

– Хорошо, ступай прощайся!

Пришёл стрелец к своему богатырскому коню и слёзно плачет.

– О чём плачешь, хозяин?

– Царь велел в кипятке искупаться.

– Не бойся, не плачь, жив будешь! – сказал ему конь и наскоро заговорил стрельца, чтобы кипяток не повредил его белому телу.

Вернулся стрелец из конюшни; тотчас подхватили его рабочие люди и прямо в котёл; он раз-другой окунулся, выскочил из котла – и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Царь увидал, что он таким красавцем сделался, захотел и сам искупаться; полез сдуру в воду и в ту ж минуту обварился. Царя схоронили, а на его место выбрали

стрельца-молодца; он женился на Василисе-царевне и жил с нею долгие лета в любви и согласии.

---

[1] – Гребёт.

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке

В некотором было царстве, в некотором государстве был-жил царь, по имени Выслав Андронович. У него было три сына-царевича: первый – Димитрий-царевич, другой – Василий-царевич,

а третий – Иван-царевич. У того царя Выслава Андроновича был сад такой богатый, что ни в котором государстве лучше того не было; в том саду росли разные дорогие деревья с плодами и без плодов, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблоне росли яблочки все золотые. Повадилась к царю Выславу в сад летать жар-птица; на ней перья золотые, а глаза восточному хрусталу подобны. Летала она в тот сад каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала с неё золотые яблочки и опять улетала. Царь Выслав Андронович весьма крушился о той яблоне, что жар-птица много яблок с неё сорвала; почему призвал к себе трёх своих сыновей и сказал им:

– Дети мои любезные! Кто из вас может поймать в моём саду жар-птицу? Кто изловит её живую, тому ещё при жизни моей отдам половину царства, а по смерти и всё.

Тогда дети его царевичи возопили единогласно:

– Милостивый государь-батюшка, ваше царское величество! Мы с великою радостью будем стараться поймать жар-птицу живую.

□На первую ночь пошёл караулить в сад Дмитрий-царевич и, усевшись под ту яблонь, с которой жар-птица яблочки срывала, заснул и не слышал, как та жар-птица прилетала и яблок весьма много ощипала. Поутру царь Выслав Андронович призвал к себе своего сына Дмитрия-царевича и спросил:

– Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?

Он родителю своему отвечал:

– Нет, милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала.

На другую ночь пошёл в сад караулить жар-птицу Василий-царевич. Он сел под ту же яблонь и, сидя час и другой ночи, заснул так крепко, что не слышал, как жар-птица прилетала и яблочки щипала. Поутру царь Выслав призвал его к себе и спрашивал:

– Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?

– Милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала.

□На третью ночь пошёл в сад караулить Иван-царевич и сел под ту же яблонь; сидит он час, другой и третий – вдруг осветило весь сад так, как бы он многими огнями освещён был: прилетела жар-птица, села на яблоню и начала щипать яблочки. Иван-царевич подкрался к ней так искусно, что ухватил её за хвост; однако не мог её удержать: жар-птица вырвалась и полетела, и осталось у Ивана-царевича в руке только одно перо из хвоста, за которое он весьма крепко держался. Поутру лишь только царь Выслав от сна пробудился, Иван-царевич пошёл к нему и отдал ему пёрышко жар-птицы. Царь Выслав весьма был обрадован, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать от жар-птицы. Это перо было так чудно и светло, что ежели принести его в тёмную горницу, то оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множество свеч. Царь Выслав положил то пёрышко в свой кабинет как такую вещь, которая должна вечно храниться. С тех пор жар-птица не летала в сад.

□Царь Выслав опять призвал к себе детей своих и говорил им:

– Дети мои любезные! Поезжайте, я даю вам своё благословение, отыщите жар-птицу и привезите ко мне живую; а что прежде я обещал, то, конечно, получит тот, кто жар-птицу ко мне привезёт.

Димитрий и Василий царевичи начали иметь злобу на меньшего своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жар-птицы из хвоста перо; взяли они у отца своего благословение и поехали двое отыскивать жар-птицу. А Иван-царевич также начал у родителя своего просить на то благословения. Царь Выслав сказал ему:

– Сын мой любезный, чадо моё милое! Ты ещё молод и к такому дальнему и трудному пути непривычен; зачем тебе от меня отлучаться? Ведь братья твои и так поехали. Ну, ежели и ты от меня уедешь, и вы все трое долго не возвратитесь? Я уже при старости и хожу под богом; ежели во время отлучки вашей

господь бог отымет мою жизнь, то кто вместо меня будет управлять моим царством? Тогда может сделаться бунт или несогласие между нашим народом, а унять будет некому; или неприятель под наши области подступит, а управлять войсками нашими будет некому.

Однако сколько царь Выслав ни старался удерживать Ивана-царевича, но никак не мог не отпустить его, по его неотступной просьбе. Иван-царевич взял у родителя своего благословение, выбрал себе коня и поехал в путь, и ехал, сам не зная, куды едет.

□Едучи путём-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, наконец приехал он в чистое поле, в зелёные луга. А в чистом поле стоит столб, а на столбу написаны эти слова: «Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мёртв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется». Иван-царевич прочёл эту надпись и поехал в правую сторону, держа на уме: хотя конь его и убит будет, зато сам жив останется и со временем может достать себе другого коня. Он ехал день, другой и третий – вдруг вышел ему навстречу пребольшой серый волк и сказал:

– Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! Ведь ты читал, на столбе написано, что конь твой будет мёртв; так зачем сюда едешь?

Волк вымолвил эти слова, разорвал коня Ивана-царевича надвое и пошёл прочь в сторону.

□Иван-царевич вельми сокрушался по своему коню, заплакал горько и пошёл пешком. Он шёл целый день и устал несказанно и только что хотел присесть отдохнуть, вдруг нагнал его серый волк и сказал ему:

– Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пеш изнурился; жаль мне и того, что я заел твоего доброго коня. Добро! Садись на меня,

на серого волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?

Иван-царевич сказал серому волку, куда ему ехать надобно; и серый волк помчался с ним пуще коня и чрез некоторое время как раз ночью привёз Ивана-царевича к каменной стене не гораздо высокой, остановился и сказал:

– Ну, Иван-царевич, слезай с меня, с серого волка, и полезай через эту каменную стену; тут за стеною сад, а в том саду жар-птица сидит в золотой клетке. Ты жар-птицу возьми, а золотую клетку не трогай; ежели клетку возьмёшь, то тебе оттуда не уйти будет: тебя тотчас поймают!

Иван-царевич перелез через каменную стену в сад, увидел жар-птицу в золотой клетке и очень на неё прельстился. Вынул птицу из клетки и пошёл назад, да потом одумался и сказал сам себе: «Что я взял жар-птицу без клетки, куда я её посажу?» Воротился и лишь только снял золотую клетку – то вдруг пошёл стук и гром по всему саду, ибо к той золотой клетке были струны приведены. Караульные тотчас проснулись, прибежали в сад, поймали Ивана-царевича с жар-птицею и привели к своему царю, которого звали Долматом. Царь Долмат весьма разгневался на Ивана-царевича и вскричал на него громким и сердитым голосом:

– Как не стыдно тебе, молодой юноша, воровать! Да кто ты таков, и которья земли, и какого отца сын, и как тебя по имени зовут?

Иван-царевич ему молвил:

– Я есмь из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иван-царевич. Твоя жар-птица повадилась к нам летать в сад по всякую ночь, и срывала с любимой отца моего яблони золотые яблочки, и почти всё дерево испортила; для того послал меня мой родитель, чтобы сыскать жар-птицу и к нему привезть.

– Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич, – молвил царь Долмат, – пригоже ли так делать, как ты сделал? Ты бы пришёл ко мне, я бы тебе жар-птицу честию отдал; а теперь хорошо ли будет,

когда я разошлю во все государства о тебе объявить, как ты в моём государстве нечестно поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу – съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне от царя Афрона коня златогривого, то я тебя в твоей вине прощу и жар-птицу тебе с великою честью отдам; а ежели не сослужишь этой службы, то дам о тебе знать во все государства, что ты нечестный вор.

Иван-царевич пошёл от царя Долмата в великой печали, обещая ему достать коня златогривого.

□Пришёл он к серому волку и рассказал ему обо всём, что ему царь Долмат говорил.

– Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! – молвил ему серый волк. – Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую клетку?

– Виноват я перед тобою, – сказал волку Иван-царевич.

– Добро, быть так! – молвил серый волк. – Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно.

Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, аки стрела, и бежал он долго ли, коротко ли, наконец прибежал в государство царя Афрона ночью. И, пришедши к белокаменным царским конюшням, серый волк Ивану-царевичу сказал:

– Ступай, Иван-царевич, в эти белокаменные конюшни (теперь караульные конюхи все крепко спят!) и бери ты коня златогривого. Только тут на стене висит золотая узда, ты её не бери, а то худо тебе будет.

Иван-царевич, вступя в белокаменные конюшни, взял коня и пошёл было назад; но увидел на стене золотую узду и так на неё прельстился, что снял её с гвоздя, и только что снял – как вдруг пошёл гром и шум по всем конюшням, потому что к той узде

были струны приведены. Караульные конюхи тотчас проснулись, прибежали, Ивана-царевича поймали и повели к царю Афрону. Царь Афрон начал его спрашивать:

– Ох ты гой еси, молодой юноша! Скажи мне, из которого ты государства, и которого отца сын, и как тебя по имени зовут?

На то отвечал ему Иван-царевич:

– Я сам из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иваном-царевичем.

– Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич! – сказал ему царь Афрон.

– Честного ли рыцаря это дело, которое ты сделал? Ты бы пришёл ко мне, я бы тебе коня златогривого с честью отдал. А теперь хорошо ли тебе будет, когда я разошлю во все государства объявить, как ты нечестно в моём государстве поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу и съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне королевну Елену Прекрасную, в которую я давно и душою и сердцем влюбился, а достать не могу, то я тебе эту вину прощу и коня златогривого с золотою уздою честно отдам. А ежели этой службы мне не сослужишь, то я о тебе дам знать во все государства, что ты нечестный вор, и пропишу всё, как ты в моём государстве дурно сделал.

Тогда Иван-царевич обещался царю Афрону королевну Елену Прекрасную достать, а сам пошёл из палат его и горько заплакал.

□ Пришёл к серому волку и рассказал всё, что с ним случилось.

– Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! – молвил ему серый волк. – Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую узду?

– Виноват я пред тобою, – сказал волку Иван-царевич.

– Добро, быть так! – продолжал серый волк. – Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно.

Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, как стрела, и бежал он, как бы в сказке сказать, недолгое время и, наконец, прибежал в государство королевны Елены Прекрасной. И, пришедши к золотой решётке, которая окружала чудесный сад, волк сказал Ивану-царевичу:

– Ну, Иван-царевич, слезай теперь с меня, с серого волка, и ступай назад по той же дороге, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня в чистом поле под зелёным дубом.

Иван-царевич пошёл, куда ему велено. Серый же волк сел близ той золотой решётки и дожидался, покуда пойдёт прогуляться в сад королева Елена Прекрасная. К вечеру, когда солнышко стало гораздо опускаться к западу, почему и в воздухе было не очень жарко, королева Елена Прекрасная пошла в сад прогуливаться со своими нянюшками и с придворными боярынями. Когда она вошла в сад и подходила к тому месту, где серый волк сидел за решёткою, – вдруг серый волк перескочил через решётку в сад и ухватил королеву Елену Прекрасную, перескочил назад и побежал с нею что есть силы-мочи. Прибежал в чистое поле под зелёный дуб, где его Иван-царевич дожидался, и сказал ему:

– Иван-царевич, садись поскорее на меня, на серого волка!

Иван-царевич сел на него, а серый волк помчал их обоих к государству царя Афона. Няньки и мамки и все боярыни придворные, которые гуляли в саду с прекрасною королевой Еленю, побежали тотчас во дворец и послали в погоню, чтоб догнать серого волка; однако сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назад.

□Иван-царевич, сидя на сером волке вместе с прекрасною королевой Еленю, возлюбил её сердцем, а она Ивана-царевича; и когда серый волк прибежал в государство царя Афона и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королеву Еленю во дворец и отдать царю, тогда царевич весьма запечалился и начал слёзно плакать. Серый волк спросил его:

– О чём ты плачешь, Иван-царевич?

На то ему Иван-царевич отвечал:

– Друг мой, серый волк! Как мне, доброму молодцу, не плакать и не крушиться? Я сердцем возлюбил прекрасную королеву Елену, а теперь должен отдать её царю Афрону за коня золотогривого, а ежели её не отдам, то царь Афрон обесчестит меня во всех государствах.

– Служил я тебе много, Иван-царевич, – сказал серый волк, – сослужу и эту службу. Слушай, Иван-царевич: я сделаюсь прекрасной королевой Еленой, и ты меня отведи к царю Афрону и возьми коня золотогривого; он меня почтёт за настоящую королеву. И когда ты сядешь на коня золотогривого и уедешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афрона в чистое поле погулять; и как он меня отпустит с нянюшками и с мамушками и со всеми придворными боярынями и буду я с ними в чистом поле, тогда ты меня вспомяни – и я опять у тебя буду.

Серый волк вымолвил эти речи, ударился о сыру землю – и стал прекрасною королевою Еленой, так что никак и узнать нельзя, чтоб то не она была. Иван-царевич взял серого волка, пошёл во дворец к царю Афрону, а прекрасной королеве Елене велел дожидаться за городом. Когда Иван-царевич пришёл к царю Афрону с мнимою Еленой Прекрасною, то царь вельми возрадовался в сердце своём, что получил такое сокровище, которого он давно желал. Он принял ложную королеву, а коня золотогривого вручил Иван-царевичу. Иван-царевич сел на того коня и выехал за город; посадил с собою Елену Прекрасную и поехал, держа путь к государству царя Долмата. Серый же волк живёт у царя Афрона день, другой и третий вместо прекрасной королевы Елены, а на четвёртый день пришёл к царю Афрону проситься в чистом поле погулять, чтоб разбить тоску-печаль лютую. Как возговорил ему царь Афрон:

– Ах, прекрасная моя королева Елена! Я для тебя всё сделаю, отпущу тебя в чистое поле погулять.

И тотчас приказал нянюшкам и мамушкам и всем придворным

боярыням с прекрасною королевною идти в чистое поле гулять.

□Иван же царевич ехал путём-дорогою с Еленю Прекрасною, разговаривал с нею и забыл было про серого волка; да потом вспомнил: «Ах, где-то мой серый волк?» Вдруг откуда ни взялся – стал он перед Иваном-царевичем и сказал ему:

– Садись, Иван-царевич, на меня, на серого волка, а прекрасная королевна пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в государство царя Долмата. Ехали они долго ли, коротко ли и, доехав до того государства, за три версты от города остановились. Иван-царевич начал просить серого волка:

– Слушай ты, друг мой любезный, серый волк! Сослужил ты мне много служб, сослужи мне и последнюю, а служба твоя будет вот какая: не можешь ли ты оборотиться в коня златогривого наместо этого, потому что с этим златогривым конём мне расстаться не хочется.

Вдруг серый волк ударился о сырую землю – и стал конём златогривым. Иван-царевич, оставя прекрасную королеву Елену в зелёном лугу, сел на серого волка и поехал во дворец к царю Долмату. И как скоро туда приехал, царь Долмат увидел Ивана-царевича, что едет он на коне златогривом, весьма обрадовался, тотчас вышел из палат своих, встретил царевича на широком дворе, поцеловал его во уста сахарные, взял его за правую руку и повёл в палаты белокаменные. Царь Долмат для такой радости велел сотворить пир, и они сели за столы дубовые, за скатерти браные; пили, ели, забавлялися и веселилися ровно два дни, а на третий день царь Долмат вручил Ивану-царевичу жар-птицу с золотою клеткою. Царевич взял жар-птицу, пошёл за город, сел на коня златогривого вместе с прекрасною королевною Еленю и поехал в своё отечество, в государство царя Выслава Андроновича. Царь же Долмат вздумал на другой день своего коня златогривого объездить в чистом поле; велел его оседлать, потом сел на него и поехал в чистое поле; и лишь только

разъярил коня, как он сбросил с себя царя Долмата и, оборотясь по-прежнему в серого волка, побежал и нагнал Ивана-царевича.

– Иван-царевич! – сказал он. – Садись на меня, на серого волка, а королева Елена Прекрасная пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в путь. Как скоро довёз серый волк Ивана-царевича до тех мест, где его коня разорвал, он остановился и сказал:

– Ну, Иван-царевич, послужил я тебе довольно верою и правдою. Вот на сём месте разорвал я твоего коня надвое, до этого места и довёз тебя. Слезай с меня, с серого волка, теперь есть у тебя конь златогривый, так ты сядь на него и поезжай, куда тебе надобно; а я тебе больше не слуга.

Серый волк вымолвил эти слова и побежал в сторону; а Иван-царевич заплакал горько по серому волку и поехал в путь свой с прекрасною королевною.

□ Долго ли, коротко ли ехал он с прекрасною королевною Еленою на коне златогривом и, не доехав до своего государства за двадцать верст, остановился, слез с коня и вместе с прекрасною королевною лёг отдохнуть от солнечного зноя под деревом; коня златогривого привязал к тому же дереву, а клетку с жар-птицею поставил подле себя. Лежа на мягкой траве и ведя разговоры любовные, они крепко уснули. В то самое время братья Ивана-царевича, Дмитрий и Василий царевичи, ездя по разным государствам и не найдя жар-птицы, возвращались в своё отечество с порожними руками; нечаянно наехали они на своего сонного брата Ивана-царевича с прекрасною королевною Еленою. Увидя на траве коня златогривого и жар-птицу в золотой клетке, весьма на них прельстились и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти. Дмитрий-царевич вынул из ножон меч свой, заколол Ивана-царевича и изрубил его на мелкие части; потом разбудил прекрасную королеву Елену и начал её спрашивать:

– Прекрасная девица! Которого ты государства, и какого отца дочь и как тебя по имени зовут?

Прекрасная королева Елена, увидя Ивана-царевича мёртвого, крепко испугалась, стала плакать горькими слезами и во слезах говорила:

– Я королева Елена Прекрасная, а достал меня Иван-царевич, которого вы злой смерти предали. Вы тогда б были добрые рыцари, если б выехали с ним в чистое поле да живого победили, а то убили сонного и тем какую себе похвалу получите? Сонный человек – что мёртвый!

Тогда Дмитрий-царевич приложил свой меч к сердцу прекрасной королевы Елены и сказал ей:

– Слушай, Елена Прекрасная! Ты теперь в наших руках; мы повезём тебя к нашему батюшке, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и жар-птицу, и коня златогривого. Ежели этого не скажешь, сейчас тебя смерти предам!

Прекрасная королева Елена, испугавшись смерти, обещалась им и клялась всею святынею, что будет говорить так, как ей велено. Тогда Дмитрий-царевич с Васильем-царевичем начали метать жребий, кому достанется прекрасная королева Елена и кому конь златогривый? И жребий пал, что прекрасная королева должна достаться Василью-царевичу, а конь златогривый Дмитрию-царевичу. Тогда Василий-царевич взял прекрасную королеву Елену, посадил на своего доброго коня, а Дмитрий-царевич сел на коня златогривого и взял жар-птицу, чтобы вручить её родителю своему, царю Выславу Андроновичу, и поехали в путь.

□Иван-царевич лежал мёртв на том месте ровно тридцать дней, и в то время набежал на него серый волк и узнал по духу Ивана-царевича. Захотел помочь ему – оживить, да не знал, как это сделать. В то самое время увидел серый волк одного ворона и двух воронят, которые летали над трупом и хотели спуститься на землю и наестся мяса Ивана-царевича. Серый волк спрятался за

куст, и как скоро воронята спустились на землю и начали есть тело Ивана-царевича, он выскочил из-за куста, схватил одного воронёнка и хотел было разорвать его надвое. Тогда ворон спустился на землю, сел поодаль от серого волка и сказал ему:

– Ох ты гой еси, серый волк! Не трогай моего молодого детища; ведь он тебе ничего не сделал.

– Слушай, ворон воронович! – молвил серый волк. – Я твоего детища не трону и отпущу здрава и невредима, когда ты мне сослужишь службу: слетаешь за тридевять земель, в тридесятое государство, и принесёшь мне мёртвой и живой воды.

На то ворон воронович сказал серому волку:

– Я тебе службу эту сослужу, только не тронь ничем моего сына.

Выговоря эти слова, ворон полетел и скоро скрылся из виду. На третий день ворон прилетел и принёс с собой два пузырька: в одном – живая вода, в другом – мёртвая, и отдал те пузырьки серому волку. Серый волк взял пузырьки, разорвал воронёнка надвое, спрыснул его мёртвою водою – и тот воронёнок сросся, спрыснул живую водою – воронёнок встрепенулся и полетел. Потом серый волк спрыснул Иван-царевича мёртвою водою – его тело срослось, спрыснул живую водою – Иван-царевич встал и промолвил:

– Ах, куды как я долго спал!

На то сказал ему серый волк:

– Да, Иван-царевич, спать бы тебе вечно, кабы не я; ведь тебя братья твои изрубили и прекрасную королевну Елену, и коня златогривого, и жар-птицу увезли с собою. Теперь поспевай как можно скорее в своё отечество; брат твой, Василий-царевич, женится сегодня на твоей невесте – на прекрасной королевне Елене. А чтоб тебе поскорее туда поспеть, садись лучше на меня, на серого волка; я тебя на себе донесу.

Иван-царевич сел на серого волка; волк побежал с ним в

государство царя Выслава Андроновича, и долго ли, коротко ли, – прибежал к городу. Иван-царевич слез с серого волка, пошёл в город и, пришедши во дворец, застал, что брат его Василий-царевич женится на прекрасной королевне Елене: воротился с нею от венца и сидит за столом. Иван-царевич вошёл в палаты, и как скоро Елена Прекрасная увидала его, тотчас выскочила из-за стола, начала целовать его в уста сахарные и закричала:

– Вот мой любезный жених, Иван-царевич, а не тот злодей, который за столом сидит!

Тогда царь Выслав Андронович встал с места и начал прекрасную королеву Елену спрашивать, что бы такое то значило, о чём она говорила? Елена Прекрасная рассказала ему всю истинную правду, что и как было: как Иван-царевич добыл её, коня златогривого и жар-птицу, как старшие братья убили его сонного до смерти и как стращали её, чтоб говорила, будто все это они достали. Царь Выслав весьма осердился на Дмитрия и Василья царевичей и посадил их в темницу; а Иван-царевич женился на прекрасной королевне Елене и начал с нею жить дружно, любовно, так что один без другого ниже единой минуты пробыть не могли.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

**Русские народные сказки. А.
Н. Афанасьев. По щучьему
веленью**

Жил-был бедный мужичок; сколько он ни трудился, сколько ни работал – все нет ничего! «Эх, – думает сам с собой, – доля моя горькая! Все дни за хозяйством убиваюсь, а того и смотри – придётся с голоду помирать; а вот сосед мой всю свою жизнь на боку лежит, и что же? – хозяйство большое, барыши сами в карман плывут. Видно, я богу не угодил; стану я с утра до вечера молиться, авось господь и смилуется». Начал он богу молиться; по целым дням голодает, а всё молится. Наступил светлый праздник, ударили к заутрене. Бедный думает: «Все люди станут разгавливаться, а у меня ни куска нету! Пойду хоть воды принесу – ужо вместо щей похлебаю». Взял ведёрко, пошёл к колодцу и только закинул в воду – вдруг попалась ему в ведёрко большущая щука. Обрадовался мужик: «Вот и я с праздником! Наварю ухи и всласть пообедаю». Говорит ему щука человеческим голосом:

– Отпусти меня, добрый человек, на волю; я тебя счастливым сделаю: чего душа твоя пожелает, всё у тебя будет! Только скажи: по щучьему веленью, по божьему благословенью явись то-то и то-то – сейчас явится!

Убогий бросил щуку в колодец, пришёл в избу, сел за стол и говорит:

– По щучьему веленью, по божьему благословенью будь стол

накрыт и обед готов!

Вдруг откуда что взялось – появились на столе всякие кушанья и напитки; хоть царя угощай, так не стыдно будет! Убогий перекрестился: «Слава тебе господи! Есть чем разговеться». Пошёл в церковь, отстоял заутреню и обедню, воротился и стал разгавливаться; закусил-выпил, вышел за ворота и сел на лавочку.

□На ту пору вздумала царевна по улицам прогуляться, идёт с своими няньками и мамками и ради праздничка Христова раздаёт бедным милостыню; всем подала, а про этого мужичка и позабыла. Вот он и говорит про себя:

– По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть царевна плод понесёт и родит себе сына!

По тому слову царевна в ту ж минуту забрюхатела и через девять месяцев родила сына. Начал её царь допрашивать.

– Признавайся, – говорит, – с кем согрешила?

А царевна плачет и всячески клянётся, что ни с кем не грешила:

– И сама не ведаю, за что меня господь покарал!

Сколько царь ни допытывался, ничего не узнал.

□Меж тем мальчик не по дням, а по часам растёт; через неделю уж говорить стал. Царь созвал со всего царства бояр и думных людей, показывает их мальчику: не признает ли он кого за отца? Нет, мальчик молчит, никого отцом не обзывает. Приказал царь нянькам и мамкам нести его по всем дворам, по всем улицам и казать всякого чина людям и женатым и холостым. Няньки и мамки понесли ребёнка по всем дворам, по всем улицам; ходили-ходили, он всё молчит. Подошли, наконец, к избушке бедного мужика; как только увидел мальчик того мужика, сейчас потянулся к нему ручонками и закричал:

– Тятя, тятя!

Доложили про то государю, привели во дворец убогого; царь стал его допрашивать:

– Признавайся по чистой по совести – твой это ребёнок?

– Нет, божий!

Царь разгневался, обвенчал убогого на царевне, а после венца приказал посадить их вместе с ребёнком в большую бочку, засмолить смолою и пустить в открытое море.

□ Вот поплыла бочка по морю, понесли её буйные ветры и прибили к далёкому берегу. Слышит убогий, что вода под ними не колышется, и говорит таково слово:

– По щучьему веленью, по божьему благословенью распадись, бочка, на сухом месте!

Бочка развалилася; вылезли они на сухое место и пошли куда глаза глядят. Шли-шли, шли-шли, есть-пить нечего, царевна совсем отошала, едва ноги переставляет.

– Что, – спрашивает убогий, – знаешь теперь, какова жажда и голод?

– Знаю! – отвечает царевна.

– Вот так-то и бедные мучатся; а ты не хотела мне на Христов день и милостынки подать!

Потом говорит убогий:

– По щучьему веленью, по божьему благословенью стань здесь богатый дворец – чтоб лучше во всём свете не было, и с садами, и с прудами, и со всякими пристройками!

□ Только вымолвил – явился богатый дворец; выбегают из дворца слуги верные, берут их под руки, ведут в палаты белокаменные и сажают за столы дубовые, за скатерти браные. Чудно в палатах убрано, изукрашено; на столах всего наготовлено: и вина, и сласти, и кушанья. Убогий и царевна напились, наелись,

отдохнули и пошли в сад гулять.

– Всем бы здесь хорошо, – говорит царевна, – только жаль, что нет никакой птицы на наших прудах.

– Подожди, будет и птица! – отвечал убогий и тотчас вымолвил:

– По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть плавают на этом пруде двенадцать уток, тринадцатый селезень – у всех бы у них одно перо было золотое, другое серебряное; да был бы у селезня чуб на головке бриллиантовый!

Глядь – плывут по воде двенадцать уток и селезень – одно перо золотое, другое серебряное; на головке у селезня чуб бриллиантовый.

□ Вот так-то живёт царевна с своим мужем без горя, без печали, а сын её растёт да растёт; вырос большой, почувал в себе силу великую и стал у отца, у матери проситься поехать по белу свету да поискать себе невесты. Они его отпустили:

– Ступай, сынок, с богом!

Он оседлал богатырского коня, сел и поехал в путь-дорогу. Попадается ему навстречу старая старуха:

– Здравствуй, русский царевич! Куда ехать изволишь?

– Еду, бабушка, невесты искать, а где искать – и сам не ведаю.

– Постой, я тебе скажу, дитятко! Поезжай ты за море в тридесятое королевство; там есть королева – такая красавица, что весь свет изъездишь, а лучше её нигде не сыщешь!

Добрый молодец поблагодарил старуху, приехал к пристани, нанял корабль и поплыл в тридесятое королевство.

□ Долго ли, коротко ли плыл он по морю, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается – приезжает в то королевство, явился к тамошнему королю и стал за его дочь свататься. Говорит ему король:

– Не ты один за мою дочь сватаешься; есть у нас ещё жених – сильномогучий богатырь; коли ему отказать, он всё моё государство разорит.

– А мне откажешь – я разорю!

– Что ты! Лучше померяйся с ним силою: кто из вас победит, за того и дочь отдам.

– Ладно! Созывай всех царей и царевичей, королей и королевичей на честной бой поглядеть, на свадьбе погулять.

□Тотчас посланы были гонцы в разные стороны, и года не прошло, как собрались со всех окрестных земель цари и царевичи, короли и королевичи; приехал и тот царь, что свою родную дочь в бочку засмолил да в море пустил. В назначенный день вышли богатыри на смертный бой; бились-бились, от их ударов земля стонала, леса приклонялись, реки волновались; сын царевны осилил своего супротивника – снёс с него буйную голову.

□Подбежали тут королевские бояре, взяли доброго молодца под руки и повели во дворец; на другой день обвенчался он с королевною, а как отпировали свадьбу, стал звать всех царей и царевичей, королей и королевичей в гости к своему отцу, к матери. Поднялись все разом, снарядили корабли и поплыли по́ морю. Царевна со своим мужем встретили гостей с честью, и начались опять пиры да веселье. Цари и царевичи, короли и королевичи смотрят на дворец, на сады и дивуются: такого богатства нигде не видано, а больше всего показались им утки и селезень – за одну утку можно полцарства дать! Отпировали гости и вздумали домой ехать; не успели они до пристани добраться, как бегут за ними скорые гонцы:

– Наш-де хозяин просит вас назад воротиться, хочет с вами тайный совет держать.

□Цари и царевичи, короли и королевичи воротились назад; выступил к ним хозяин и стал говорить:

– Разве этак добрые люди делают? Ведь у меня утка пропала! Окромя вас некому взять!

– Что ты взводишь напраслину? – отвечают ему цари и царевичи, короли и королевичи. – Это дело непригожее! Сейчас обыщи всех! Если найдёшь у кого утку, делай с ним, что сам знаешь; а если не сыщешь, твоя голова долой!

– Хорошо, я согласен! – сказал хозяин, пошёл по ряду и стал их обыскивать; как скоро дошла очередь до царевнина отца, он потихоньку и вымолвил:

– По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть у этого царя под полой кафтана будет утка привязана!

Взял, приподнял ему кафтан, а под полой как есть привязана утка – одно перо золотое, другое серебряное. Тут все прочие цари и царевичи, короли и королевичи громко засмеялись:

– Ха-ха-ха! Вот каково! Уж цари воровать начали!

Царевнин отец всеми святыми клянётся, что воровать – у него и на мыслях не было; а как к нему утка попала – того и сам не ведает.

– Рассказывай! У тебя нашли, стало быть, ты один и виноват.

Тут вышла царевна, бросилась к отцу и призналась, что она та самая его дочь, которую выдал он за убогого замуж и посадил в смоляную бочку:

– Батюшка! Ты не верил тогда моим словам, а вот теперь на себе спознал, что можно быть без вины виноватым.

Рассказала ему, как и что было, и после того стали они все вместе жить-поживать, добра наживать, а лиха избывать.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Емеля-дурак

В некоторой было деревне: жил мужик, и у него было три сына, два было умных, а третий дурак, которого звали Емельяном. И как жил их отец долгое время, то и пришёл в глубокую старость, призвал к себе сыновьев и говорил им:

– Любезные дети! Я чувствую, что вам со мною недолго жить; оставляю вам дом и скотину, которые вы разделите на части ровно; также оставляю вам денег на каждого по сту рублёв.

После того вскоре отец их умер, и дети, похороня его честно, жили благополучно. Потом вздумали Емельяновы братья ехать в город торговать на те триста рублёв, которые им отказаны были их отцом, и говорили они дураку Емельяну:

– Послушай, дурак, мы поедem в город, возьмём с собой и твои сто рублёв, а когда выторгуем, то барыш пополам, и купим тебе красный кафтан, красную шапку и красные сапоги. А ты останься дома; ежели что тебя заставят сделать наши жены, а твои невестки (ибо они были женаты), то ты сделай.

Дурак, желая получить обещанные красный кафтан, красную шапку

и красные сапоги, отвечал братьям, что он будет делать всё, что его заставят. После того братья его поехали в город, а дурак остался дома и жил с своими невестками.

□Потом спустя несколько времени в один день, когда было зимнее время и был жестокий мороз, тогда говорили ему невестки, чтоб он сходил за водою. Но дурак, лежа на печи, сказал:

– Да, а вы-то что?

Невестки закричали на него:

– Как, дурак, мы-то что? Ведь ты видишь, какой мороз, что и мужчине в пору идти!

Но он говорил:

– Я ленюсь!

Невестки опять на него закричали:

– Как, ты ленишься? Ведь ты захочешь же есть, а когда не будет воды, то сварить ничего нельзя.

Притом сказали:

– Добро ж, мы скажем своим мужьям, когда они приедут, что хотя и купят они красный кафтан и всё, но чтоб тебе ничего не давали, – что слыша дурак и желая получить красный кафтан и шапку принуждён был идтить, слез с печи и начал обуваться и одеваться.

И как совсем оделся, взял с собою вёдра и топор, пошёл на реку, ибо их деревня была подле самой реки, и как пришёл на реку, то и начал прорубать прорубь, и прорубил чрезвычайно большую. Потом почерпнул в вёдра воды и поставил их на льду, а сам стоял подле проруби и смотрел в воду.

□В то самое время увидел дурак, что плавала в той проруби пребольшая щука; а Емеля, сколько ни был глуп, однако ж пожелал ту щуку поймать, и для того стал он понемножку

подходить; подошёл к ней близко, ухватил, вдруг её рукою, вытащил из воды и, положив за пазуху, хотел идти домой. Но щука говорила ему:

– Что ты, дурак! На что ты меня поймал?

– Как на что? – говорил он. – Я тебя отнесу домой и велю невесткам сварить.

– Нет, дурак, не носи ты меня домой; отпусти ты меня опять в воду; я тебя за то сделаю человеком богатым.

Но дурак ей не верил и хотел идти домой. Щука, видя, что дурак её не отпускает, говорила:

– Слушай, дурак,пусти ж ты меня в воду; я тебе сделаю то: чего ты ни пожелаешь, то всё по твоему желанию исполнится.

Дурак, слыша сие, весьма обрадовался, ибо он был чрезвычайно ленив, и думал сам себе: «Когда щука сделает так, что чего я ни пожелаю – всё будет готово, то я уже работать ничего не буду!» Говорил он щуке:

– Я тебя отпущу, только ты сделай то, что обещаешь! – на что отвечала щука:

– Ты преждепусти меня в воду, а я обещание своё исполню.

Но дурак говорил ей, чтоб она прежде своё обещание исполнила, а потом он её отпустит. Щука, видя, что он не хочет её пускать в воду, говорила:

– Ежели ты желаешь, чтоб я тебе сказала, как сделать, чего ни пожелаешь, то надобно, чтобы ты теперь же сказал, чего хочешь.

Дурак говорил ей:

– Я хочу, чтоб мои вёдра с водою сами пошли на́ гору (ибо деревня та была на горе) и чтоб вода не расплескалась.

Щука тотчас ему говорила:

– Ничего, не расплещется! Только помни слова, которые я стану сказывать; вот в чём те слова состоят: по щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, вёдра, сами на́ гору!

Дурак после её говорил:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, вёдра, сами на́ гору! – и тотчас вёдра и с коромыслом пошли сами на́ гору.

Емеля, видя сие, весьма удивился; потом говорил щуке:

– Всё ли так будет?

На что щука отвечала, что «всё то будет, чего только пожелаешь; не забудь только те слова, которые я тебе сказывала». После того пустил он щуку в воду, а сам пошёл за ведрами. Соседи его, видя то, удивлялись и говорили меж собою:

– Что это дурак делает? Вёдра с водою идут сами, а он идёт за ними.

Но Емеля, не говоря ничего с ними, пришёл домой; вёдра взошли в избу и стали на лавку, а дурак влез на печь.

□Потом спустя несколько времени говорили ему опять невестки:

– Емеля, что ты лежишь? Ты бы пошёл дров нарубил.

Но дурак говорил:

– Да, а вы-то что?

– Как мы что? – вскричали на него невестки. – Ведь теперь зима, и ежели ты не пойдёшь рубить дров, так тебе ж будет холодно.

– Я ленюсь! – говорил дурак.

– Как ленишься? – говорили ему невестки. – Ведь ты же озябнешь.

Притом они говорили:

– Ежели ты не пойдёшь рубить дров, так мы скажем своим мужьям, чтоб они тебе не давали ни красного кафтана, ни красной шапки, ни красных сапогов.

Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принуждён был нарубить дров; но как он был чрезвычайно ленив и не хотелось ему слезть с печи, то говорил потихоньку, на печи лежа, сии слова:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, топор, поди наруби дров, а вы, дрова, сами в избу идите и в печь кладитесь.

Топор откуда ни взялся – выскочил на двор и начал рубить; а дрова сами в избу шли и в печь клались, что видя, его невестки весьма удивились Емельяновой хитрости. И так каждый день, когда только дураку велют нарубить дров, то топор и нарубит.

И жил он с невестками несколько времени, потом невестки говорили ему:

– Емеля, таперича нету дров у нас; съезди в лес и наруби.

Дурак им говорил:

– Да, а вы-то что?

– Как мы что? – отвечали невестки. – Ведь лес далече, и теперь зима, так холодно ехать нам в лес за дровами.

Но дурак им говорил:

– Я ленюсь!

– Как, ленишься? – говорили ему невестки. – Ведь тебе же будет холодно; а ежели ты не пойдёшь, то когда приедут твои братья, а наши мужья, то мы не велим им ничего тебе давать: ни кафтана красного, ни шапки красной, ни сапог красных.

Дурак, желая получить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, принуждён был ехать в лес за дровами и, встав, слез с печи и начал скорее обуваться и одеваться.

□И как совсем оделся, то вышел на двор и вытащил из-под навесу сани, взял с собою верёвку и топор, сел в сани и говорил своим невесткам отворить ворота. Невестки, видя, что он едет в санях, да без лошади, ибо дурак лошади не запрягал, говорили ему:

– Что ты, Емеля, сел в сани, а лошадь не запряг?

Но он говорил, что лошади ему не надо, а только чтоб отворили ему ворота. Невестки отворили ворота, а дурак, сидя в санях, говорил:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-тка, сани, ступайте в лес!

После сих слов сани тотчас поехали со двора, что́ видя, живущие в той деревне мужики удивлялись, что Емеля ехал в санях и без лошади, и так шибко: хотя бы пара лошадей была запряжена, то нельзя бы шибче ехать! И как надобно было дураку ехать в лес через город, то и поехал он по оному городу; но как не знал, что надобно кричать для того, чтобы не передавить народу, то он ехал и не кричал, чтоб посторонились, и передавил множество народу, и хотя за ним гнались, однако догнать его не могли.

□Емеля уехал из города, а приехав к лесу, остановился и вылез из своих саней и говорил:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-тка, топор, рубика дрова, а вы, поленья, сами кладитесь в сани и вяжитесь!

Лишь только сказал дурак сии слова, топор начал рубить дрова, а поленья сами клались в сани и верёвкой вязались. После того как нарубил он дров, велел ещё топору вырубить одну дубинку. Как топор вырубил, то он сел на воз и говорил:

– Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью поезжайте,

сани, домой сами.

Тотчас и поехали они весьма шибко, и как подъехал он к тому городу, в котором он уже передал много народу, там уже ждали его, чтоб поймать; и как въехал в город, то его поймали и стали тащить с возу долой; притом начали его бить. Дурак, видя, что его тащат и бьют, потихоньку сказал сии слова:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка им руки и ноги!

В тот час выскочила дубинка и начала всех бить. И как народ бросился бежать, дурак поехал из города домой, а дубинка когда всех перебила, то покатилась вслед за ним же. И как приехал Емеля домой, то и влез на печь.

□После того, как он уехал из города, стали поговаривать об нём везде – не столько о том, что он передал множество народу, сколько удивлялись тому, что он ехал в санях без лошади. Мало-помалу речи сии дошли до самого короля. Как король услышал, то чрезвычайно захотел его видеть и для того послал одного офицера и дал ему несколько солдат, чтоб его сыскать. Посланный от короля офицер поехал немедленно из города и напал на ту дорогу, по которой ездил дурак в лес. И как приехал офицер в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и сказал ему:

– Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб взять его и привезти к королю.

Староста тотчас показал тот двор, где жил Емеля, и офицер взошёл в избу и спрашивал:

– Где дурак?, а он, лёжа на печи, отвечал:

– На что тебе?

– Как на что? Одевайся скорей; я повезу тебя к королю.

Но Емеля говорил:

– А что мне там делать?

Офицер на него рассердился за неучтивые слова и ударил его по щеке. Дурак, видя, что его бьют, сказал потихоньку:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка им руки и ноги!

Дубинка тотчас выскочила и начала их бить и перебила всех – как офицера, так и солдат. Офицер принуждён был ехать назад; и как приехал в город, то и доложили королю, что дурак всех перебил. Король весьма удивился и не верил тому, чтобы мог он всех перебить; однако выбрал король умного человека, которого послал с тем, чтобы, как только возможно, привёз дурака – хоть обманом.

□Посланный от короля поехал и как приехал в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и говорил ему:

– Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб его привезть; а ты призови мне тех, с кем он живёт.

Староста тотчас побежал и привёл его невесток. Посланный от короля спрашивал их:

– Что дурак любит?

Невестки ему отвечали:

– Милостивый государь наш, дурак любит – ежели станешь просить неотступно о чём, он откажет раз и другой, а в третий уже не откажет и сделает; не любит он того, кто с ним грубо поступает.

Посланный от короля отпустил их и не велел сказывать Емеле, что он призывал их к себе. После того закупил изюму, черносливу и винных ягод, пошёл к дураку и как пришёл в избу, то, подойдя к печи, говорил:

– Что ты, Емеля, лежишь на печи? – и даёт ему изюму, черносливу и винных ягод и просит:

– Поедем, Емеля, к королю со мною, я тебя отвезу.

Но дурак говорил:

– Мне и тут тепло! – ибо он ничего, кроме тепла, не любил. А посланный начал его просить:

– Пожалуйста, Емеля, поедem; там тебе будет хорошо!

Дурак говорил:

– Я ленюсь!

Посланный стал просить его:

– Пожалуйста, поедem; там тебе король велит сшить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги.

□Дурак, услыша, что красный кафтан велют ему сшить, ежели поедет, говорил:

– Поезжай же ты вперёд, а я за тобой буду.

Посланный не стал ему более докучать, отошёл от него и спрашивал тихонько у его невесток:

– Не обманывает ли меня дурак?

Но они уверяли, что он не обманет. Посланный поехал назад, а дурак после его полежал ещё на печи и говорил:

– Ох, как мне не хочется к королю ехать; но так уж и быть!

Потом говорил:

– Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью поезжай-ка, печь, прямо в город!

Тотчас изба затрещала, и печь вон пошла из избы и как сошла со

двора, то и поехала печь столь шибко, что и догнать нельзя; и он догнал ещё на дороге того посланного, который за ним ездил, а во дворец с ним приехал.

□Как король увидел, что приехал дурак, то и вышел^[11] со всеми своими министрами его смотреть и, видя, что Емеля приехал на печи, ничего не говорил; потом спрашивал его король:

– Для чего ты столько передавил народу, как ездил за дровами в лес?

Но Емеля говорил:

– Я чем виноват! Для чего они не посторонились?

И в то время подошла к окошку королевская дочь и смотрела на дурака, а Емеля нечаянно взглянул на то окошко, в которое она смотрела, и видя дурак её весьма прекрасною – говорил тихонько:

– Кабы по щучьему веленью, а по моему прошенью влюбилась этакая красавица в меня!

Лишь только сии слова выговорил, королевская дочь посмотрела на него и влюбилась. А дурак после того сказал:

– Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью ступай-ка, печь, домой!

Тотчас поехала печь домой, а приехавши – опять стала на прежнем месте.

□Емеля жил после того несколько времени благополучно; но в городе у короля происходило другое, ибо по дураковым словам королевская дочь влюбилась и стала просить отца своего, чтоб выдал её за дурака замуж. Король за то весьма рассердился на дурака и не знал, как его взять. В то время доложили королю министры, чтоб послать того офицера, который прежде ездил за Емелей и не умел его взять; за вину его король, по их совету, приказал представить того офицера. Как офицер перед ним

предстал, тогда король говорил ему:

– Слушай, друг мой, я тебя прежде посылал за дураком, но ты его не привёз; за вину твою посылаю тебя в другой раз, чтобы ты привёз непременно его; ежели привезёшь, то будешь награждён, а ежели не привезёшь, то будешь наказан.

Офицер выслушал короля и поехал немедленно за дураком, а как приехал в ту деревню, то призвал опять старосту и говорил ему:

– Вот тебе деньги: купи всё, что надобно завтра к обеду и позови Емелю, и как будет он к тебе обедать, то пой его допьяна, пока спать ляжет.

□ Староста знал, что он приехал от короля, принуждён был его послушаться и скупил всё то и позвал дурака. Как Емеля сказал, что будет, то офицер его дожидался с великою радостью. На другой день пришёл дурак; староста начал его поить и напоил его допьяна, так что Емеля лёг спать. Офицер, видя, что он спит, тотчас связал его и приказал подать кибитку, и как подали, то и положили дурака; потом сел и офицер в кибитку и повёз его в город. И как подъехал он к городу, то и повёз его прямо во дворец. Министры доложили королю о приезде того офицера. И как скоро король услышал, то немедленно приказал принести большую бочку и чтоб набиты были на ней железные обручи. Тотчас была сделана и принесена она бочка к королю. Король, видя, что все готово, приказал посадить в ту бочку свою дочь и дурака и велел их засмолить; а как их посадили в бочку и засмолили, то король при себе ж велел пустить ту бочку в море. И по его приказанию немедленно её пустили, и король возвратился в свой город.

□ А бочка, пущенная по́ морю, плыла несколько часов; дурак всё то время спал, а как проснулся и видя, что темно, спрашивал сам у себя:

– Где я? – ибо думал, что он один. Принцесса ему говорила:

– Ты, Емеля, в бочке, да и я с тобою посажена.

– А ты кто? – спросил дурак.

– Я – королевская дочь, – отвечала она и рассказала ему, за что она посажена с ним вместе в бочку; потом просила его, чтоб он освободил себя и её из бочки.

Но он говорил:

– Мне и тут тепло!

– Сделай милость, – говорила принцесса, – сжался на мои слёзы; избавь меня и себя из этой бочки.

– Как же не так, – говорил Емеля, – я ленюсь!

Принцесса опять начала его просить:

– Сделай милость, Емеля, избавь меня из этой бочки и не дай мне умереть.

Дурак, будучи тронут её просьбою и слезами, сказал ей:

– Хорошо, я для тебя это сделаю.

После того говорил потихоньку:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью выкинь-ка ты, море, эту бочку, в которой мы сидим, на берег – на сухое место, только чтоб поближе к нашему государству; а ты, бочка, как на сухом месте будешь, то сама расшибися!

□Только успел дурак выговорить эти слова, как море начало волноваться и в тот час выкинуло бочку на берег – на сухое место, а бочка сама рассыпалась. Емеля встал и пошёл с принцессою по тому месту, куда их выкинуло, и увидел дурак, что они были на весьма прекрасном острове, на котором было премножество разных деревьев со всякими плодами. Принцесса, всё то видя, весьма радовалась, что они на таком прекрасном острове; а после того говорила:

– Что ж, Емеля, где мы будем жить? Ибо нет здесь и шалаша.

Но дурак говорил:

– Вот ты уж многого требуешь!

– Сделай милость, Емеля, вели поставить какой-нибудь домик, – говорила принцесса, – чтобы можно было нам где во время дождя укрыться; ибо принцесса знала, что он всё может сделать, ежели захочет. Но дурак сказал:

– Я ленюсь!

Она опять начала его просить, и Емеля, будучи тронут её просьбой, принуждён был для неё то сделать; он отошёл от неё и говорил:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью будь среди этого острова дворец лучше королевского и чтоб от моего дворца и до королевского был хрустальный мост, а во дворце чтобы были разного звания люди.

И лишь успел выговорить сии слова, то в ту ж минуту и появился преогромный дворец и хрустальный мост. Дурак взошёл с принцессою во дворец и увидел, что в покоях весьма богатое было убранство и множество людей, как лакеев, так и всяких разносчиков, которые ожидали от дурака повеления. Дурак, видя, что все люди как люди, а он один был нехорош и глуп, захотел сделаться получше и для того говорил:

– По щучьему веленью, а по моему прошенью кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезвычайно умён!

И лишь успел выговорить, то в ту ж минуту сделался так прекрасен, а притом и умён, что все удивлялись.

□После того послал Емеля из своих слуг к королю, чтоб звать его к себе и со всеми министрами. Посланный от Емели поехал к королю по тому хрустальному мосту, который сделал дурак; и как приехал во дворец, то министры представили его пред короля, и посланный от Емели говорил:

– Милостивый государь! Я прислан от моего господина с покорностию просить вас к нему кушать.

Король спрашивал:

– Кто таков твой господин?

Но посланный ему отвечал:

– Я не могу вам сказать про него (ибо дурак ему сказывать не велел про себя, кто он таков); о моём господине ничего не известно; а когда вы будете кушать у него, в то время и скажет о себе.

Любопытствуя знать, кто прислал звать его, король сказал посланному, что он непременно будет. Когда посланный ушёл, король тотчас поехал вслед за ним со всеми министрами. Посланный, возвратясь назад, сказал, что король непременно будет, и только сказал – а король и едет к дураку по тому мосту хрустальному, и с принцами.

И как приехал король во дворец, то Емеля вышел навстречу, принимал его за белые руки, целовал во уста сахарные, ласково вводил его в свой белокаменный дворец, сажал его за столы дубовые, за скатерти браные, за кушанья сахарные, за питья медовые. За столом король и министры пили, ели и веселились; а как встали из-за стола и сели по местам, то дурак говорил королю:

– Милостивый государь, узнаёте ли вы меня, кто я таков?

И как Емеля был в то время в пребогатом платье, а притом лицом был весьма прекрасен, то и нельзя было узнать его, почему король и говорил, что он не знает. Но дурак говорил:

– Помните ли, милостивый государь, как дурак к вам приезжал на печи во дворец и вы его и с дочерью, засмоля в бочку, пустили в море? Итак, узнайте теперь меня, что я – тот самый Емеля!

Король, видя его пред собою, весьма испугался и не знал, что

делать; а дурак в то время пошёл за его дочью и привёл её пред короля. Король, увидя дочь свою, весьма обрадовался и говорил дураку:

– Я перед тобой весьма виноват и за то отдаю за тебя в замужество дочь мою.

Дурак, слыша сие, с покорностью благодарил короля, и как у Емели всё было готово к свадьбе, то в тот же день праздновали её с великолепием. А на другой день дурак сделал великолепный пир для всех министров, а для простого народу выставлены были чаны с разными напитками. И как веселье отошло, то король отдавал ему своё королевство; но он не захотел. После того король поехал в своё королевство, а дурак остался в своём дворце и жил благополучно.

---

[1] – У Афанасьева вошел (Ред.).

 Загрузка...